

фантастическая
история

Михаил Королёк,
Николай Феоктистов

Спаси СССР. Манифестация

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

Фантастическая История

Михаил Королюк

Спасти СССР. Манифестация

«АЛЬФА-КНИГА»

2018

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

Королюк М. А.

Спасти СССР. Манифестация / М. А. Королюк — «АЛЬФА-КНИГА», 2018 — (Фантастическая История)

ISBN 978-5-9922-2690-4

Легко ли это – столкнуть колесо истории с наезженной колеи? Да в нужную сторону? Андрей Соколов пытается. Он еще помнит, как жилось в СССР, и знает, что было потом. В подарок от Сущности, что послала его корректировать прошлое, он получил молодое тело и доступ к знаниям всего человечества. Но хватит ли этого, когда ты вновь стал порывистым подростком и жизнь, что на расстоянии вытянутой руки, для тебя не менее важна, чем вызываемые тобой движения геополитических плит за горизонтом? Его ищут могущественные спецслужбы, о нем думают мировые политики. А он о них думает не так уж и часто – у него свои проблемы.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-2690-4

© Королюк М. А., 2018
© АЛЬФА-КНИГА, 2018

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	20
Глава 3	29
Глава 4	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Михаил Королук, Николай Феоктистов

Спасти СССР. Манифестация

Пролог

*Вторник 28 февраля 1978 года, день
Ленинград, Измайловский проспект,
исполком Ленинского района*

Во мне горит двадцатый век!
И бьет набатом память павших,
Нас защищая – пеплом ставших...¹

Чистый девичий голос звенел, наполняя зал. Взлетела вверх рука, распахнулась над головой ладошкой, и тонкие подрагивающие пальцы собрали взгляды зала. Сквозь щелку кулисы мне был виден Женькин профиль с пятном горящего на скуле румянца. Одинокая хрупкая фигурка в черно-белой школьной форме, каплей алой крови на груди – значок и жесткий свет в лицо...

Все верно, так и задумывалось: никаких полутонув – победа или смерть.

Женя шла сразу за моим вступлением, задавая общий тон нашей программы. С трудом, не сразу, но мне удалось научить девушку входить в состояние контролируемой ярости – помогли старые фотографии из ее семейного альбома да глуховатый рассказ седой как лунь прабабки о шевелящейся над расстрельным рвом земле. На репетициях, перед выходом, взгляд Жени теперь проваливался на глубину, прежде ей недоступную, и что-то она там видела такое, отчего на сцену ступала уже незнакомкой. Жар, что стеной вставал в ней в такие моменты, мог обескуражить невольного наблюдателя.

Первый ряд в полутемном зале занимало жюри – представители райкома и районо. За ними – уже выступившие агитбригады других школ, родители, педагоги. Рядком наши: подавший вперед военрук, застывшая лицом Тыблоко, брюнетка-«завуч» и Мэри с по-детски открытым ртом. Где-то, не вижу где, Томина мама, отпросившаяся по такому случаю с работы, и сюрпризом при ней – Варька з Шепетовки.

Все слушают и, кажется, слышат.

«Это хорошо. – Я перевел дух и провел вспотевшими ладонями по штанам. – Это обнадеживает».

Мы шли последними. Мне показалось это хорошим знаком: когда жюри будет принимать решение, разбуженные эмоции будут еще свежи.

Было ли это подыгрышем?

Несущественно, решил я. Все равно наша программа настолько резко выламывалась из браурного ряда ей предшествующих, что очередность выступления была уже не столь важна.

– Или пан, или пропал, – беззвучно прошептал я и повернулся к Паштету: – Готов?

Тот облизнул побелевшие губы и решительно кивнул.

– Пошел. – Я слегка подтолкнул его в спину, выпуская на сцену.

Ему навстречу шагнула Женька. Взгляд у нее был отчаянным, а руки мелко тряслись. Ее тут же уволокли вглубь, к столу с водой.

¹ Стихи М. Королука.

– «Поршень прогресса толкают горящие души! Слушай!..» – уверенно заскандировал Пашка.

Я замер, пробуя на слух.

Нет фальши. Справляется. Молодцы мы – и он и я.

У кулисы, нервно переминаясь с ноги на ногу, выстроилась следующая тройка – в настоящей полевой форме РККА, арендованной из развалов театрального реквизита. Потертые «мосинки», что оттягивали девичьи плечи, привез откуда-то военрук – сразу после того как побывал на нашей первой большой репетиции.

– Девочки! – Я по очереди заглянул им в зрачки. – Вдохнули. Выдохнули. Расслабили горло. Все будет хорошо. Три. Два. Один. Пошли!

– «Вставай, страна огромная...» – Соло Алены, поначалу негромкое, начало свое восхождение в крещендо. Корни моих волос пропахало колючей дрожью. Мелкая суета, царившая по эту сторону занавеса, замерла сама собой; молчание зала стало оглушительным.

«Поразительно, – успел удивиться я, – как много смысловых пластов впрессовано всего в три слова! Слышишь – и тебе на плечи опускается глыба той войны, а ты от этого распрямляешься».

– «Пусть ярость благородная...» – К голосу солистки, опять ставшему негромким, присоединилось еще два. Да, эти послабее тянут. Зато хором. Вместе.

Я приник к щелке. Моя Томка стояла с ближнего края: кирзачи, скатка через плечо... И кокетливо сдвинутая набок пилотка!

Опять! Опять ведь успела тайком от меня ее сдвинуть!

Да, на Томе мои педагогические таланты отчего-то сбоили – она желала выглядеть в военной форме привлекательно, и баста! Все мои пассажи про художественный образ, необходимый в этой сцене, проскальзывали мимо ее прекрасных ушек. В итоге с ней я как режиссер-постановщик оказался наименее убедителен. Зато, словно в порядке компенсации, из Кузи и Мелкой можно было лепить, как из пластилина, что душе угодно.

Голоски, правда, у них были хоть и чистыми, но слабенькими, поэтому номера ставили под «фанеру». Вытягивали на артистизме. У Мелкой в роли вьетконговки сразу, словно тут и был, прорезался необходимый светлый трагизм. А из Кузи вышла ну совершенно неотразимая кубинская партизанка: в гимнастерке из светло-оливковой ткани (три верхних пуговицы которой были постоянно расстегнуты), в галифе и надвинутом на глаза мягком кепи... В общем, шел отыгрыш «нашей дрянной девчонки с автоматом». Песня, пусть и отличная, была не главной изюминкой в ее выступлении: парням до чертиков нравилось смотреть на то, как она поет. Они могли делать это вновь и вновь.

Да что там парням! Даже мне как-то подумалось, что присоединиться к одному с ней партизанскому отряду могло бы оказаться неплохой идеей...

Недлинная наша программа тем временем уверенно катила к финалу. Вернулся Сёма и принялся приставать ко всем с «а как я?». Выскользнула со сцены Мелкая и подошла ко мне все с тем же молчаливым вопросом в глазах.

Я одобрительно кивнул, покосился на тонкие щиколотки, что выглядывали из-под завернутых шаровар, и искренне похвалил:

– Даже очень интересно получилось!

Прислушался к Кузе – пора. Одернул замурзанную телогрейку, прижал ко лбу ребро ладони, проверяя посадку пилотки, оглянулся. На меня смотрели ожидая.

Я подмигнул:

– Пошли, покажем, как Городницкого надо петь.

Держась за руки, мы шагнули на сцену. Потом сидели в зале, ерзая в мучительном ожидании. Я удивлялся про себя: «Ладно, понятно, зачем это надо мне. Но ребятам-то это все отольется максимум строчкой в выпускной характеристике!»

Видимо, я все же переволновался – отключился, уйдя в себя, и решение жюри прослушал. Очнулся неожиданно – меня вдруг начали восторженно бить по плечам. Довольно разулыбалась обернувшаяся Тыблоко, радостно замахала руками Мэри, а особо храбрые подруги сподобились приобнять меня с двух сторон.

Но не это занимало меня в тот момент. Огонь, как выяснилось, я разжечь могу. Но готовы ли, если понадобится, швырнуть этих детей в топку Истории? Это был совсем другой вопрос, и я собирался подумать об этом когда-нибудь потом. Или, если повезет, не думать вовсе.

Глава 1

Четверг 2 марта 1978 года, день

Ленинград, Красноармейская улица

«Четверг. Завтра, значит, пятница...» Моя левая рука напряженно подрагивала. Тарелка горохового супа, наполненная щедрой Карповной до самых краев, угрожающе кренилась то в одну, то в другую сторону. Я пробирался к свободному столику, не сводя с бунтующей посуды укоризненного взгляда. Бефстроганов с макаронами в правой руке вели себя не в пример флегматичней.

Да, меня опять слегка потряхивало. Ведь за пятницей наступит та самая суббота. А потом – то самое воскресенье. Два дня – две давно запланированных операции. Кучно пошло... И не развести никак.

Со вздохом невольного облегчения я сгрузил свой обед на стол и оглянулся. За мной, забавно прикусив уголок губы, торопилась со своими тарелками Мелкая.

Тоже была та еще операция, пусть и в масштабах школьной столовой... Добрый ангел раздатки, тайком подкармливающая балбесов, что спускают обеденные деньги на сигареты, смотрела на меня, пока я излагал свою просьбу, мудрыми глазами черепахи Тортиллы.

– Да знаю я твою девочку. – Карповна согласно прикрыла набрякшие веки. – Правильная.

– Вот, – суетливо всучил я ей пачку талонов на обеды, – здесь на март. Хорошо?

– Хорошо. – Морщинистые щеки дернула усмешка.

– Меня здесь не было? – уточнил я напоследок, обеспокоенно заглядывая в выцветшие от старости глаза.

– Не было, не было, – согласилась она и припечатала вослед: – Монте-Кристо недороженный...

Не знаю, когда и как Карповна пошушукалась с Мелкой и что именно ей сказала, но одной проблемой стало меньше, и я вздохнул с облегчением.

«Четверг. Завтра, значит, пятница... – Я понял, что стою, уставившись взглядом в белокафельную стену, и одернул себя. – Все будет пучком, не дрожи».

Оглянулся – Томки с Яськой не видать, наверное, побежали «носики попудрить».

– Ну как у тебя дела? – сел рядом с Мелкой.

Та чуть заметно дернулась, приоткрыла рот для ответа...

– О, наш герой! – Напротив опустилась «завуч по внеклассной». В глазах ее светилась веселая приязнь. Следом ожидаемо возникла Мэри, с горкой творожных ватрушек, конвертов с яблочным повидлом и припудренных румяных булочек на тарелке. Советская сдоба под молоко явно произвела на американку впечатление, и за прошедшие полтора месяца щеки у нее округлились.

Да, эта контрастная парочка – брюнетка из КГБ и рыжая с не стершимися до конца повадками хиппи – все время теперь таскаются вместе и, похоже, получают от этого какое-то удовольствие. Хихикают о чем-то своем на переменах; порой торопливо срываются куда-то из школы сразу после последнего урока. А один раз даже выбрались с чердака, словно две лисы из удачного загула по курятнику – в пыли, паутине, но с одинаково довольными улыбками на мордочках, только и разница, что одна была огненно-рыжей, а другая – чернобурой. Потом как-то очень быстро в заброшенной астрономической башне зашевелились ремонтники, пошел слух о найденном в глухом углу школьном телескопе времен чуть ли не мироведческих кружков конца двадцатых годов... Теперь я с огромным удивлением наблюдал за совершенно неожиданным зигзагом истории – на глазах оживающей школьной астрономической обсерваторией.

Присутствие оперативницы КГБ в школе меня забавляло. Да, было сразу понятно, что не я тому причиной: идет обычная контрразведывательная профилактика по иностранке да мяг-

кий поиск подходов на перспективу. Однако ведь где-то за стенкой Большого Дома пытаются нащупать и меня...

«Знали бы они, как близко к их сотруднику я нахожусь», – думал я порой и позволял себе шуриться на брюнетку чуть снисходительно. Похоже, ее это слегка интриговало.

– Мы вчера в горкоме комсомола были, – посерьезнев, сказала «завуч». – Поздравляю: слух о нашем выступлении туда уже дошел. Актив города с интересом ждет финала.

Мэри на секунду оторвалась от перемалывания ватрушки и энергично покивала, подтверждая сказанное.

– Ну... – развел я руками в показном недоумении, – пусть ждут, я же не против.

– Может, – предложила брюнетка, – показать, пока есть время, режиссеру? Нормальному режиссеру, – уточнила она быстро, увидев, как я покривился, – наверняка ведь опытный взгляд найдет что улучшить.

Я задумался было, потом решительно затряс головой:

– Нет, сейчас главное – настрой выступающих. Это, – я прищелкнул пальцами, – свое, выстраданное. Это они будут выплескивать. А режиссер со стороны превратит их в неловких марионеток. Нет.

– Возможно... – По Чернобурке не было заметно, чтобы мой отказ ее как-то расстроил. – Я думаю, что у нас и сейчас хорошие шансы на победу.

– Еще бы... – хмыкнул я, невольно посмотрев на Мэри.

Над переносицей у комитетчицы нарисовалась задумчивая складочка. Она даже жевать стала медленнее.

– Но мы тоже молодцы, – торопливо добавил я.

Чернобурка наклонилась вперед и нравоучительно помотала приподнятой вилкой:

– Нет, Андрей, ты не прав – все идет честно. Но ход мыслей... перспективный. – Она покосилась на увлеченно вгрызшуюся в песочный коржик Мэри и, чуть поколебавшись, добавила: – Кстати, если будут еще идеи... по внеклассной работе – you are welcome².

Я уставился на нее, быстро просчитывая.

«А что, это вариант. Вполне можно зайти и с этой стороны. Все равно мне для задуманного куратор будет нужен...»

– Что? – Чернобурка прочла что-то по моему лицу, и взгляд ее оживился любопытством. – Есть мысли?

– Есть. – Я решительно отложил в сторону помятую алюминиевую вилку и подался ей навстречу: – Школьная поисковая экспедиция по местам боев на майские. Дней на пять. Десять – двенадцать школьников, два-три руководителя.

– Что искать-то? – не поняла «завуч».

– Непогребенных. Именные вещи. Документы. Награды.

– Ох... – Она посмотрела на меня с удивлением и каким-то неожиданным уважением. Прикрыла на пару секунд глаза, что-то прокручивая в уме, потом отмерла. – Мне надо будет подумать... И посоветоваться. А есть что-то на примете?

Я кивнул:

– Под городом Холм в Новгородской области есть Пронинский лес. Там наши в сорок втором замыкали Демянский котел – силами сведенных в морскую бригаду курсантов-подводников, рыбаков с Арала и моряков Каспийской флотилии. Немцы называли их «черной смертью». По итогам тех боев комдив издал приказ с интересной строчкой: «Наградить всех без исключения...» Дед один, попутчик, рассказывал, что там по лесам до сих пор... – Я запнулся, подбирая слова, потом поморщился и махнул рукой: – В общем, надо ехать, поднимать.

Чернобурка озабоченно поцокала языком:

² добро пожаловать (англ.). – Здесь и далее примеч. авт.

– Непростое мероприятие... Очень непростое.

– Да, – согласился я, – непростое, знаю. Но я обдумывал регламент. Сделать можно. Естественно, никакой детской самостоятельности – нужны руководители, желательно – офицеры-отставники не из штабных. И, на всякий случай, с саперной подготовкой. От местной милиции разрешение. Но при наличии воли, – я указал глазами вверх, – может получиться очень интересно. И перспективно в плане дальнейшего развития в молодежное патриотическое движение.

– Так. – Брюнетка еще немного подумала, а потом решительно отодвинула пустую тарелку. – У тебя сейчас что?

– Алгебра.

– Я снимаю тебя с урока. Пойдем, поговорим поподробнее. – Она поднялась из-за стола.

– Меня, – подскочила, оставив на тарелке последнюю надкушенную булочку, Мэри, – меня возьмите! Я тоже хочу на «черную смерть»!

На миг вид у Чернобурки стал довольным, точно у кошки, удачно насадившей на коготь жирную мышь. Потом лицо ее разгладилось:

– Конечно, Мэри, – пообещала она легко, – если соберемся – возьмем. Пошли, Андрей.

Я оглянулся на Мелкую и, извиняясь, неловко развел руками:

– Давай до... – и запнулся, прикидывая. – До понедельника, хорошо? У меня так плотно всяких дел набилось...

Она вскинула на меня глаза и хотела что-то сказать, но потом лишь молча кивнула, и я поспешил за черно-рыжей парочкой.

Пятница 3 марта 1978 года, день

Ленинград, ул. Чернышевского, консульство США

Чоп. Чоп.

Фред, искоса наблюдавший за Синти, болезненно поморщился.

Опять блеснуло узкое лезвие.

Чоп – от корнеплода отвалилось еще одно тоненькое полукружье.

Чоп, чоп, чоп... – Синти препарировала овощ точными наработанными движениями. Потом ловко крутанула нож и наколола крайнюю дольку на кончик. Поднесла к носу и, зажмурившись, понюхала. На лице ее проступила блаженная улыбка.

Джордж с укоризной покосился на Карла. Тот закашлялся дымом и нервно взмахнул трубкой.

– Ладно-ладно! – вскинул руки, словно сдаваясь в плен. – Согласен. То была плохая идея. Моя плохая идея. Mea culpa³.

Синти предпочла сделать вид, что не поняла:

– Идея? – Подщипанная бровь изогнулась в дугу, но взгляд девушки остался прикован к кусочку перед носом, а голос был на удивление равнодушен: – Я что-то важное пропустила?

Сладковато-острый запах, идущий от золотистой дольки, манил, играя полутонами: то чудился легкий аромат подвяленной груши, то на первый план выходила дразнящая нотка сушеного имбиря. На зубах зудел фантом плотной похрустывающей мякоти.

Рот Синти наполнился слюной, и она торопливо вгрызлась в репу. Довольно крупный, в два кулака, корнеплод был перемолот за пару минут.

– Уф... – Оперативница откинулась на спинку кресла и довольно похлопала себя по животу. – Хорошо-то как... Вот теперь можно и ушками заняться. – Демонстративно не глядя на потрясенно молчащих коллег, Синти подтянула к себе очередную пухлую папку и деловито зашуршала отпечатками.

³ Моя вина (лат.).

Да все она, конечно, давно поняла, не совсем уж дура, чай! И откуда у нее появилось это странное пристрастие, и какой факир чертов в этом виноват? Осталось только решить, как взыскать с Карла этот долг. А задолжал он не меньше ведра своей поганой крови, и это по самым скромным прикидкам. И... Нет, она ни за что не даст себя раскодировать!

Началось все с месяц назад. Если бы КГБ смог тогда засунуть нос в вализу, что доставил дипкурьер, он был бы, пожалуй, обескуражен. И правда, чем, кроме коварного отвлечения внимания от операций разведки, можно было бы объяснить находившуюся там подборку микрофильмов с трудами антропологов по очень узкой теме – форме ушных раковин у людей? Наверное, не меньше были удивлены чуть раньше и работники национальной медицинской библиотеки в Мэриленде, получившие такой заказ от ЦРУ.

Фред еще поехидничал:

– Так, – потер деловито руки и посмотрел свысока на Синти, – теперь ты будешь крупнейшим экспертом ЦРУ по *usham*. Или по *ukham*? Кстати, заодно и с этим тоже разберись.

И она села разбираться. Ничего сложного в том не оказалось, но теперь в вечерних дремах перед ее внутренним взором проплывали мочки, противокозелки и ладьевидные ямки. Уши оттопыренные и уши прижатые, с отдельной или сросшейся мочкой, округлые и квадратные, бесконечные уши вошли в ее жизнь и по-хозяйски там устроились. Они стали притягивать взгляды на улицах. Теперь первым делом она смотрела не в глаза, а на уши и радовалась, обнаружив там какую-нибудь редкость навроде рудиментарного Дарвинова бугорка. Через неделю она могла классифицировать любое ухо навскидку по пятнадцати основным признакам всего за три-четыре секунды.

Затем пришла пора фотопленок, что начали сдавать русисты. Полторы сотни фотопленок в неделю! Проявить, зафиксировать, высушить, просмотреть и выборочно напечатать... И изучить кадры, выискивая подозрительные уши!

Она уже мечтала о пробежках по городу, что раньше задавал ей Фред. Подумаешь, три часа по холоду да на своих двоих! И что ей в том не нравилось? Свежий воздух, дневной свет, люди, разнообразие ленинградских улиц и даже адреналин при очередном обнаружении наружки. Теперь же она выползала из подвала консульства, где была расположена фотолаборатория, вся провоняв реагентами; глаза ее покраснели, а отражение в зеркале пугало, наводя на тревожные мысли об оголодавшем упыре.

В принципе-то ничего особо сложного в той работе не было. Подавляющая часть ушных раковин уверенно отсеивалась опытным взглядом сразу – разница между эталоном и образцом теперь просто бросалась ей в глаза. Были проблемы с качеством снимков, с ракурсом, приходилось давать русистам задания на пересъемку конкретных подростков, но все это было решаемо. Печаль была не в том.

Спустя две недели она подвела черту и пошла к Фреду на доклад.

– Этого и следовало ожидать, – кисло заметил резидент, разглядывая сводные таблицы.

Три десятка подростков с ушами, весьма похожими на «эталонные». Похожими, очень похожими, но, мать его, не идентичными!

Карл сгреб листы и, дальнотзорко отставив, придирчиво изучил каждую строчку.

– Так... – поднял задумчивый взгляд. – То есть у нашего «эталона» нечетко определен размер межкозелковой вырезки и угла между завитками? А давай-ка попробуем накатить еще один рисунок. Садись, девочка, расслабляйся, – и он потянул с пальца кольцо.

И они попробовали раз, через день – еще, а потом и в третий раз... Именно тогда, после третьего раза, выйдя из гипноза, она поймала на себе пакостные, ждущие чего-то взгляды исподтишка. Огляделась, отметив глумливую гримасу Фреда, холодное торжество в глазах Карла и какой-то оттенок игривого сочувствия у Джорджа, – и встревожилась.

Сразу, впрочем, ничего не случилось. Мужики заговорили о работе, Синти заварила кофе, сделала первый глоток, все пытаясь расшифровать непонятное поведение коллег, и тут

перед внутренним взором встала Она: вся такая золотистая, идеальных пропорций, с нежным горьковатым ароматом и сочным богатым вкусом... Слюна волной затопила рот.

Откуда-то пришло знание, что называется этот овощ герка и что купить его можно на ближайшем рынке.

Синти оставила недопитый кофе и, приняв деловитый вид, торопливой рысцой рванула из кабинета. Выскакивая, услышала за спиной дружные смешки.

– Идиоты, – с мрачным удовлетворением ругалась она вечером в своей квартире, – кретины малолетние...

Только что она сгрызла сразу две репки покрупней и теперь мучилась изжогой и желанием разделаться с еще одним овощем.

Впрочем, решила Синти, удовольствие того стоило. Ничуть не хуже тех крабов с черными трюфелями, что были как-то на дне рождения деда. И продается этот корнеплод буквально по центам за килограмм.

«Идиоты, – повторила она про себя, – да они просто сделали мне подарок. Но – небом клянусь! – я запью его их кровью!»

Впрочем, придумать, как быстро выцедить из мужиков вожаемые пинты, Синти не смогла и перешла к осаде. Сегодняшняя сцена публичной разделки репы была одной из домашних заготовок. «И гляди как, – удивилась она про себя, – пробила совесть, или что там у них вместо нее».

– Синти, – Карл с тяжелым вздохом опустился на стул напротив. – Ты просто не понимаешь.

– Да? Так объясни. – Она метнула в него тщательно отрепетированный взгляд, тяжелый, как ядро из Царь-пушки.

– Девочка, так шутят только со своими. – Он смотрел на нее пристально, чуть склонив голову набок.

Она аж зашипела от злости:

– И что теперь, мне спасибо вам за это сказать?!

Карл встал и, улыбнувшись уголками рта, бросил ей:

– Просто не будь слишком кровожадна в своей мести. Мы же команда. Давай, – он потянул с пальца кольцо, – раскодирую тебя.

– Не, не, не... – Синти яростно замотала головой. – Все! То был последний сеанс моего гипноза.

– Клянусь... – заговорил было Карл торжественным тоном, но девушка прервала его твердым «нет».

– Понравилось, значит, – понимающе ухмыльнулся в усы Фред.

– А с тебя особый спрос. – Синти резко обернулась к нему и хищно сощурилась. – Начальничек...

Резидент вяло отмахнулся:

– Да ладно тебе... Нет, ну правда, виноват. Согласен. Застоялся без дела в кабинете, вот и потянуло на дурь всякую. Я тебе должен, признаю.

Синти опустила глаза и потянулась к отпечаткам. Это надо было обдумать.

– Много осталось? – поинтересовался Карл с сочувствием в голосе.

– Пересматриваю... – процедила девушка.

– Все то же самое?

– Проклятая мода на длинные волосы, – пожаловалась Синти, – четверть ушей мы вообще не увидели!

– Да ладно, – бросил Карл, – будем считать, что тот носит короткую прическу. Ты же увидела его ухо целиком? – И он повернулся к Фреду: – Ну что, может, подведем уже промежуточный итог?

Резидент забросил руки за голову и уставился в потолок.

– Подведем. – Пожевал уголок губы и продолжил: – Итак, все похожие уши жили в последние годы в Ленинграде, никто не переехал. У них вообще мобильность населения низкая... Лучников-китаистов тоже не видно. Синти, ну-ка давай свои выводы.

Девушка мотнула головой, отбрасывая челку набок, и легко – ведь думала об этом не раз – начала излагать:

– Во-первых, мы уверенно классифицировали не больше половины из интересующих нас ушей. Прически – раз. Практиканты не могут вести сплошную съемку – это не замотивировать, два. Приходится снимать много случайных эпизодов, но гарантировать, что там есть все подростки, невозможно. Кто-то мог эти недели болеть, кто-то просто не попал в кадр. Поэтому продолжаем набирать снимки и искать. – Она поморщилась и привычно помассировала глаза.

– Так, – согласился Фред.

– Во-вторых, если оставаться в принятой парадигме «отца и сына»...

– Какие ты слова, оказывается, знаешь! – громко восхитился из своего угла Джордж.

– ...То предположение об английской школе вполне логично, – невозмутимо продолжила Синти. – Но не обязательно. Могут быть причины, по которым такой сын ходит в другую школу. Например, у него способности к спорту, музыке или математике. Тогда он может заниматься в специализированных школах иного профиля. Их немного, но они есть, и довольно высокого уровня.

– А это интересно, – оживился Фред, – думала, как достать?

– Да, – сказал Синти, – соревнования, конкурсы, что там у них еще может быть? Надо меня туда подвезти – на уши поглядеть. Возьму фотоаппарат для оперативной съемки... В общем, если увижу, то дело техники.

– Джордж? – Во взгляде резидента прорезался отчетливый интерес.

Оперативник задумчиво почесал небритый кадык.

– Поработаю, – кивнул, – насколько понимаю, у них как раз по весне проводятся итоговые соревнования и олимпиады в масштабах города. Мероприятия открытые...

– Мне только время и место надо, – оживилась Синти, – сделай список, хорошо? Оденем куклу под меня, уйду из машины в отрыв... Вроде Комитет нашего трюка еще не раскусил.

Джордж прикрыл глаза, соглашаясь.

– Дальше. – Фред смотрел на Синти на редкость серьезно.

– Дальше тот переехавший из Москвы мажористый подросток, что мелькал у местных спекулянтов. Надо доработать с ним.

Фред понимающе переглянулся с Карлом.

– Да, мы уже почти готовы. Еще?

– Еще, еще... – забормотала она, растерянно опуская взгляд. – Все! Без новых данных больше никаких возможностей в Ленинграде не вижу.

Резидент разочарованно цыкнул зубом:

– М-да... Вот и я тоже. Парни?

– Согласен, – сказал Карл, – отрабатываем до упора имеющееся и ждем новой активности «Стрелка». Раз начав, он уже не сможет сидеть сложа руки. Эта игра затягивает, по себе знаю.

Суббота 4 марта, вечер

Ленинград, Литейный проспект, Большой дом

Из Москвы приехала обещанная Андроповым группа поддержки – вся сплошь из людей с внимательными, всепонимающими взглядами, – и работа по американской колонии закипела с новой силой. Внешне ничего не изменилось, но теперь сотрудники консульства и русисты, сами того не ведая, продирались на улицах сквозь паутину невесомых взглядов.

– Поведение – это набор кодов, которые можно расшифровать, – пояснил за вечерним чаем москвич-руководитель. – Любой естественный жест – это не только движение тела, но и движение души. Всегда пересчитывает сдачу? Аккуратно раскладывает купюры по номиналу в разные отделы кошелька? Значит, ценит деньги. Засовывает их в задний карман брюк, не утруждая себе пересчетом? Безалаберен. Использовать можно и первое, и второе – нам стодитя все.

Потом пришла очередь проверочных трюков и зондирующих акций. Американцев, словно подопытных крыс, раз за разом прогоняли через незримые лабиринты и били током.

Аккуратно изъять из кармана трамвайный билет и следом напустить энергичного контролера. Ответная агрессия? О-о-о, да он самоуверен. Значит, будет реагировать на недоверие: сказав такому «не может быть», вы получите вал подтверждающей информации.

А этот всегда пересчитывал в магазине сдачу, но промолчал, когда ему недодали пятнадцать копеек? Застенчив. В разговоре с таким лучше не использовать иронии, замкнется. Зато о самом себе будет болтать охотно, а к внимательному слушателю испытает искреннюю симпатию.

День за днем пухли папки с аккуратно расчерченными таблицами, заполнялись итоговые схемы, уходили в Первое главное управление уточняющие запросы.

Наука... Это целая наука, через жест и слово высветить у объекта слабинку, а потом отлить «волшебную стрелу» – индивидуальный вербовочный подход, что оставит жертве лишь немного шансов избежать своей участи.

Наконец настал тот день, когда аккуратно подстриженный ноготь постучал по одной из фотографий:

– Вот этот. Первая кандидатура. И самая лучшая. Остальные варианты менее надежны будут.

– Этот... – пробормотал Минцев с ноткой недоверия и наклонился разглядывая.

С листа с дерзким вызовом смотрел смазливый, форсисто одетый красавчик. Жора сразу испытал к нему легкую антипатию.

– Этот, этот, не сомневайтесь. – Полковник-психолог, напротив, смотрел на американца-русиста с отчетливой приязнью. – Самая очевидная цель. Наш золотой стандарт, можно сказать.

Сидящий во главе стола Блеер негромко прокашлялся, привлекая внимание собеседников:

– Вы, Витольд Янович, все же дайте результаты более развернуто. Подпись-то под санкцией мне ставить. Убедите меня.

– Да, конечно. – Психолог бросил еще один почти влюбленный взгляд на фотопортрет и начал излагать: – Вербовочная разработка объекта проводилась по косвенным оценкам, полученным с помощью наружного наблюдения и оперативно-технических средств. Данные из разных источников хорошо коррелируют между собой и создают непротиворечивый психологический портрет объекта. Выявлен ряд доминирующих черт личности: умен, замкнут, догматичен, практичен, эгоистичен, недоверчив, циничен, без чувства юмора, аполитичен. Кроме того, что особо важно для нас, – имеет высокий уровень притязаний и не удовлетворен своим текущим финансовым положением.

– А это откуда следует? – Блеер заинтересованно подался вперед.

– Последнее подтверждается данными, пришедшими по линии первого главного. Так, был произведен негласный осмотр личных вещей, которые он, съехав со съемной квартиры, оставил на хранение своему знакомому: чуть ли не треть от веса составляют журналы и каталоги с люксовыми товарами и дорогой недвижимостью, которые ему явно не по карману. Удалось также посмотреть в его карточку у стоматолога – много проблемных зубов, большие счета, не все зубы, нуждающиеся в лечении, санированы. Интересно, что, находясь у нас, в разгово-

рах проявлял интерес к советской стоматологии. Также отмечены контакты с мелкими фарцовщиками: яростно торгуется и, судя по ассортименту предлагаемых товаров, явно уточнял заранее, на что у нас максимальный спрос. Значит, хочет заработать денег на этой поездке.

– Так, – прищурился Блеер с пониманием, – подходим к нему прямо, под своим флагом?

– Да, – с готовностью согласился Витольд, – именно так. Прямо от нас, в лоб, без прелюдий. Вербовочная основа – сугубо материальная. Говорить в понятных ему терминах: разовый контракт на период пребывания в СССР. Много предлагать не надо, загордится. Думаю, три-пять тысяч долларов, и он наш.

– Почему именно столько?

– Накрыть его ближайшую цель – лечение зубов – плюс немного сверху.

– Вероятность активно-негативной реакции на предложение?

– Низкая, Владлен Николаевич, низкая. – Психолог на миг задумался, потом предложил: – Кстати, можно перед подходом попытаться его правильно настроить.

Блеер молча двинул кустистой бровью, требуя пояснений.

– Дня за два-три, – сказал Витольд, – надо помочь ему «потерять» портмоне.

– Посадить на мель? – усмехнулся Блеер.

– Не совсем так. – В голосе полковника неожиданно прорезался слабый прибалтийский акцент. – Он должен потерять немного. Ровно столько, чтобы продолжать испытывать досаду, тогда наше внезапное предложение будет рассматриваться им как компенсация со стороны судьбы. А вот если мы ему «потеряем» все или много, то он ведь далеко не дурак: сложит одно с другим и обидится.

– Очень разумно, – согласился Блеер и повернулся к своему заму: – Сделаем?

– Проблем не вижу, – бодро ответил тот. – Комара или Канарейку напустим. Они где угодно сработают – и на транспорте, и в театре, и на рынке.

– Хорошо. – Блеер еще немного подумал, потом подвел черту: – Я согласен с подходом. Оформляйте планом и на подпись. Кстати, о рынках... С вице-консулом разобрались? Выяснили, отчего она туда зачастила?

Зам озабоченно поморгал, потом в недоумении развел руками.

– Чепуха какая-то происходит, Владлен Николаевич, – признался, поерзав. – Внешне все выглядит, словно она ходит туда всего с одной целью – купить сетку репы.

– Чего купить? – переспросил Блеер, нахмурившись. Ему показалось, что он ослышался.

– Репы, – понимающе хмыкнул полковник. – Идет сразу к нужному ряду, придирчиво выбирает: щупает, чуть ли не обнюхивает каждую – и напрямик оттуда домой.

– Сетка репы? – недоверчиво повторил Блеер. – Что с ней можно делать-то?

Жора заелозил на стуле – ему тоже было любопытно.

– Знаете... – Рука полковника заскребла в затылке, а в голос пробрались извиняющиеся интонации. – Вот все выглядит так, словно она ее ест. По крайней мере, в выносимом из квартиры бытовом мусоре находим отрезанные вершки и корешки в точном соответствии с числом купленных корнеплодов. Мы прикинули – примерно по полкило в день получается.

– Ест?! – Блеер поморщился и потряс головой, словно все никак не мог поверить в услышанное. – Ешкин кот, вот это дела...

– Постойте. – Москвич-психолог вдруг резко подался вперед. – Я правильно понял, что у этой Фолк неожиданно появилось странное вкусовое пристрастие?

– Да, – кивнул зам, – очень странное.

Все выжидающе посмотрели на Витольда. На лице у того загуляла кривоватая укоризненная улыбка:

– Что ж вы так, товарищи офицеры... – протянул он насмешливо. – У вас что, жены во время первой половины беременности не капризничали?

Мужчины замерли, осмысливая. Потом Блеер со всего размаху шлепнул ладонью по столу и возмущенно заблестел глазами:

– Ах ты! Нет, ну когда успела-то?! Глаз ведь не сводили! Костя, – резко повернулся он к заместителю, – вы ничего этакое не фиксировали?

Тот дернулся было к папке с бумагами, потом энергично замотал головой:

– Абсолютно ничего. Абсолютно! За последние месяцы к ней в квартиру мужчина заходил только один раз: тот новый консул, – и вылетел оттуда пулей через три минуты с расцарапанной мордой. И она ни к кому в гости не заходила.

– Ну и нравы у них, получается, в этом консульстве, – протянул Блеер с осуждением, – аморалка прямо на рабочем месте.

– Да черт с ней, с аморалкой, – возбужденно отмахнулся Витольд, – если она беременна, то с «вороном»⁴ мы проколемся. Надо срочно менять подход, соблазнение не сработает.

– Это верно, – согласился Блеер. – Деньги?

– Сомнительно, – покачал головой психолог, – очень сомнительно.

– Нам на курсах говорили, – подал голос Жора, – если человек утверждает, что ему ничего не нужно, значит, ему нужно все.

– Сомнительно, – повторил Витольд и в задумчивости потербил кончик носа. – Может быть, внутренний авантюризм. Хотя... – и он резко прервался. – Нет, не буду сейчас гадать. Надо подумать. Ну и, конечно, наблюдать дальше – это пока только гипотеза.

– Гипотеза, гипотеза... – Блеер нервно побарабанил по столешнице. На лице его неярким отсветом проступило какое-то давнее потрясение. – Как вспомню свою... Зефир со шпротами... В два часа ночи – вынь да положь!

Офицеры понимающе заулыбались.

– Ладно, – решительно отмахнулся генерал от воспоминаний, – с «вороном»-то что тогда делать будем? Откомандировывать или перенацеливать?

Психолог вскинул глаза к потолку, словно пытаясь прочесть там ответ, потом предложил:

– Перенацеливать. Да вот, к примеру, на эту рыженькую хиппи. Комбинация из двух подходов, нацеленных на игру эмоций, с ней может быть эффективна.

– Хорошо, – легко прихлопнул ладонью Блеер и покрутил головой в каком-то непонятном восхищении. – Вот ведь... Успела как-то, зараза шустрая. Ладно, тогда давайте теперь по этой рыжей пройдемся.

Тот же день, вечер

Ленинград, улица Комсомола

– Чтобы в будущем году – в Иерусалиме! – Язык у Женечки Сланского уже чуть заплетался, но на две еще непочатые бутылки вина он поглядывал с приязнью. – Главное – в Вене сесть на поезд, а не на самолет!

Стаканы встретились над столом, и разговор привычно рассыпался.

– Да ты пойми, – продолжил, словно и не было перерыва, жарко втолковывать Алику в правое ухо Мишка Рогинский. – Наша русская культура – вербальная! Слово у нас всегда главенствовало, и поэтому хороших живописцев мало. А иконопись – это все же работа с сакральным объектом, отдушиной художнику там служит цвет...

– Мне вот что тревожно, – шмелем гудел откуда-то слева Славка Гурфель, – мы все ждем от тех, кто уехал, каких-то свершений. Но ведь ничего нет! А может, и не будет?

Голоса остающихся друзей звучали в опустевшей комнате как неродные. Взгляд же Алика все норовил соскользнуть с лиц сидящих за их спины, на приметное пятно невыгоревших

⁴ Оперативный псевдоним для сотрудника, специализирующегося на соблазнении женщин, представляющих оперативный интерес. Соответственно для сотрудниц, соблазняющих мужчин, утвердился оперативный псевдоним «ласточка».

обоев. Еще два дня назад там висел ковер «два на три», привезенный десять лет назад из Ташкента. Под пятном стояла разошедшаяся кровать. На ней по ночам молодой Алик, ворочаясь с боку на бок, грезил о Ленке, здесь же однажды ее глаза впервые со сладкой мукой посмотрели куда-то сквозь потолок. Не было для него места роднее, не было – и не будет. А сегодня им предстояло провести здесь последнюю ночь и уйти, чтобы никогда уже сюда не вернуться. Проклятая эта мысль возвращалась как заколдованная.

Внезапно захотелось побыть одному, и он вышел на кухню посмолить «Родопи». Желанный сигаретный дым унял невнятную маету, но на обратной дороге ноги сами занесли его в почти пустую и тихую комнату – перевернуться еще раз.

В углу, на старом стуле, повисли в ожидании завтрашнего вылета темно-синий пиджак из тех, что называют «клубными», и габардиновые брюки, на полу рядом – почти не ношенные португальские туфли. Алик прошелся взглядом по массивным металлическим пуговицам на пиджаке и успокоился – все на месте. Он чуть покривил лицо, отгоняя навязчивую мысль, и тяжело опустился на сиденье.

Багаж всей их жизни уместился в трех видавших виды фибровых чемоданах, что выстроились в ряд напротив, вдоль оголившейся стены. Ленка пыталась собраться, словно на необитаемый остров, но Алик встал намертво, лично укладывая только самое необходимое. Лишь под самый конец, уступая мольбе в янтаре ее глаз, он дал слабину, и в один из чемоданов прокралась потемневшая от времени чугунная мясорубка.

Вещи, что вдруг стали ненужными, растаскивали деловито снующие родственники. По вечерам Ленка сдавленно рыдала в разоренной квартире. Глухой этот плач рвал Алику душу. Тогда он садился на пол, у кресла, обхватывал ее ноги и рассказывал, как хорошо им будет под Хайфой. Что там всегда солнечно и рядом плещет теплое море. Что во дворе домика они посадят лимон и гранат. Что оливки там можно покупать на рынке и самим давить из них дивное масло. А еще там очень, очень хорошая медицина, и у них там обязательно появится маленький – ведь для них еще ничто не поздно.

Противно скрипнула ножка стула, и Алик шевельнулся, разминая кулаки. Прислушался к веселым голосам из соседней комнаты. Потом пристально посмотрел в угол, где валялись вещи, что негодились совсем никому. Словно какая-то тяжелая тень упала на его лицо, и он нахмурился, припоминая.

Вон лежит на боку оранжевый шелковый абажур из далекого детства. Когда-то мама сшила его своими руками. Он был огромным, но невесомым – материал туго натянут на проволоку. По вечерам, из теплой постели, абажур казался маленьким домашним солнышком, и мальчик Алик засыпал, тепло улыбаясь.

Рядом валяется зонт цвета спелой вишни – большой, с длинной ручкой. Несколько спиц сломано, а кончик деревянного стержня заметно стерт. Это в далеком сорок втором дед, опираясь на зонт, как на трость, уносил годовалого Алика через Баксанское ущелье – к своему последнему инфаркту и вечному покою в каменистой обочине перевала Бечо.

А может, плюнуть на все и взять с собой?

Тихо приоткрылась дверь и в проем просунулась Ленкина голова.

– Грустишь? – Она подошла и растрепала ему волосы на затылке. Потом приобняла сзади. – Сбегай в «Экспресс», развейся. Я что-то с закуской промахнулась, не хватит. Давай-давай, – поторопила она, – скоро уже закроется. Быстро, туда и назад, чтобы я не волновалась.

Он накинул пальто, засунул в карман авоську и бросил взгляд на часы: действительно, уже меньше часа до закрытия. Усмехнулся криво:

– Схожу в последний раз, – и шагнул за порог.

Он успел спустился на пару ступенек, когда откуда-то сверху внезапно донеслось:

– Анатолий Ефимович? Прошу немного вашего внимания.

Молодой голос был незнаком. Сердце у Алика екнуло – все неожиданное сейчас пугало. Он задрал голову, пытаясь разглядеть что-нибудь в щели между пролетами. Безуспешно: свет на площадках выше почему-то отсутствовал.

– Пуговицы пиджака... – протянул тем временем невидимый собеседник с усмешкой, и подошвы Алика словно приморозило к ступенькам, – хорошо придумано. Однако не вздумайте что-то менять, пройдете таможенно нормально. А вот Марик ваш потом вас обязательно надурит. Не верьте. Лучше доберитесь как-нибудь до Антверпена, получите там за свои камешки нормальную цену – и будет вам счастье... Анатолий Ефимович? Голос-то подайте.

– Д-да... – с трудом вытолкнул Алик из горла.

«Они все знают!» – билась в конвульсиях одна-единственная выжившая мысль.

Мир вокруг посерел, словно вдруг резко упало напряжение в сети.

– Да не волнуйтесь вы так, я не из Комитета, – прозвучало словно в ответ. – Сейчас скажу что надо, и успеете еще до своего гастронома.

Алик сглотнул, бледнея.

«Совсем-совсем все знают!»

– Так, – веско подвел черту собеседник и заговорил уже серьезно: – В аэропорту Бен-Гуриона с прибывшими репатриантами будут беседовать офицеры Шин-Бет. Вам предстоит, в интересах государства Израиль, передать им послание. Вы готовы его запомнить, Анатолий Ефимович? Давайте, включайтесь.

– Минуточку, молодой человек... – Алик почувствовал, что его начинает отпускать.

Сделка? Он категорически согласен. Вдох-выдох...

– Да, готов.

– Итак, в предстоящую субботу, всего через семь дней, – начал размеренно диктовать голос, – отряд из тринадцати палестинцев планирует совершить высадку в Тель-Авив с моря. Вооружение стандартное: автоматы, пистолеты, гранаты. Цель операции – захват отеля с заложниками наподобие того, что был проделан в семьдесят третьем, и выдвижение неприемлемых для Израиля политических требований. Запомнили?

– Да, – твердо ответил Алик, – следующая суббота, палестинцы, высадка в Тель-Авиве с моря, захват отеля, семьдесят третий.

– Хорошо... – Говорящий чуть помедлил, потом словно бы нехотя добавил: – Мы настойчиво рекомендуем нашим израильским коллегам учесть при планировании операции гидрологические особенности побережья, неизвестные десантирующимся. В это время года весьма вероятен шторм, низкая видимость и сильное течение вдоль берега, на север. Пересадка с корабля-матки в надувные лодки планируется вне видимости земли, поэтому нужно быть готовым к тому, что десант может отнести заметно севернее, и встречать их следует вдоль береговой полосы, что тянется от южной окраины Тель-Авива и аж до самой Хайфы. Запомнили?

– Да. – Алик судорожно дернул головой.

– Повторите, – повелительно сказал собеседник.

Алик облизнул пересохшие губы, прикрыл глаза и старательно, слово в слово, процитировал сообщение.

– Отлично, – похвалили его. – У вас и правда великолепная слуховая память. Даже интонации схватили... Собственно, это все, что мне надо было до вас донести.

– А вы меня ведь обманули, да? – не иначе как какой-то ершистый черт дернул Алика за язык.

– В смысле? – раздалось чуть недоуменно.

– Сказали, что не из Комитета, – с напором ответил Алик, пытаясь углядеть что-то в темной щели между уходящими вверх пролетами. – Врать – нехорошо!

– Анатолий Ефимович, – протянул голос с укоризной, – а продавать уворованный со стройки цемент разве было хорошо, а? Запомните, многие знания – многие печали. Нет, не обманул. Впрочем, думайте что хотите. А теперь идите куда шли.

Наверху слышались легкие удаляющиеся шаги. Алик чуть слышно хмыкнул и направился вниз. Он успел спуститься еще на несколько ступенек, когда сверху вдруг полетело торопливое:

– Подождите... Постойте... – Было слышно, что собеседник колеблется. Потом все же решился: – Я сказал, что был должен. Но осталось то, что хочу.

– Я вас слушаю, – сухо проговорил Алик, мысленно приготовившись к привычным проклятиям в спину отъезжающего.

– Только вот это никому передавать не надо. Договорились? Это лично вам.

Алик криво усмехнулся и промолчал.

– Во-первых, Анатолий Ефимович, работу по профилю вы там найдете легко. Но не вздумайте по привычке тянуть со стройки – вычислят в тот же день. И сразу надолго попадете в черный список. Запомните: там вам не тут. Но это так, припевочка... – невнятно сказал собеседник и опять замялся. Потом неожиданно зачастил: – Когда приедете на место, сразу отведите свою Лену к хирургу, пусть ей внимательно посмотрят левую грудь. Я уверен, что еще можно отделаться малым страхом. Если вдруг ничего не найдет – проверьтесь у другого хирурга, а потом ходите на прием каждые три месяца.

Алик всхлипнул, втягивая вдруг загустевший воздух, и привалился плечом к стене. Перед глазами поплыли разноцветные круги.

– Удачи вам, – донеслось сверху и следом задумчиво, словно подводя итог: – Она вам понадобится.

Где-то высоко над головой негромко хлопнула дверь на чердак. Ноги у Алика ослабели, и он не глядя сполз на грязную ступеньку.

– Сейчас, Лен, сейчас, – прошептали посиневшие губы, – вот отдышусь только – и сразу в гастроном...

Глава 2

Воскресенье 5 марта, день

Ленинград, Пулково

Серьезные машины всегда красивы. А этот ТУ-134 был серьезен, как кадровый военный, в кои-то веки натянувший на себя вдруг идеально севший гражданский костюм. Плавные линии и зализанные стыки, отсылающие к стратегическим бомбардировщикам шестидесятых, большие круглые иллюминаторы – дань эстетике космической эпохи – и мощные, явно рассчитанные на более тяжелую машину двигатели. Да, все это даже не намекало, а прямо говорило, что в случае особой на то необходимости этот пижон может поменять «обвес» и быстро преобразиться в нечто иное – хищное и целеустремленное.

Хвостовое оперение, из окна аэропорта казавшееся легкомысленным, словно срисованным с ласточки, вблизи обрело свой истинный размер и походило теперь на вздыбленный перед ударом вниз хвост исполинского синего кита. Видимо, так казалось не только мне: пассажиры, по пути к трапу обтекавшие самолет стороной, все равно косились вверх и непроизвольно вжимали головы в плечи.

Я оглянулся: лента подземного транспортера выплевывала в застекленную шайбу причального зала последних попутчиков. Что ж, пора и мне, а то стюардесса у трапа уже начала с легкой обеспокоенностью поглядывать на одинокого подростка, что застрял у выхода на поле. А оно мне надо – привлекать сейчас внимание? И я двинулся к самолету.

Шанс, что КГБ будет потом шерстить пассажиров сегодняшних рейсов на Москву, был немал – не стоит недооценивать Контору. Конечно, Комитет не всемогущ, но «порядок бьет класс», и я предпочел не бодаться с отлаженной системой, а просто воспользоваться чужим свидетельством о рождении. Ради этого пришлось израсходовать дефицитный ресурс брейнсёрфинга на поиски воспоминаний о квартирных пожарах этой зимы, а затем брэнчать отмычками и изымать обреченный в ином варианте бытия документ на своего ровесника. Зато теперь по ступенькам трапа бодро поднимался вовсе даже не Андрей Соколов, а Вася Крюков – именно эти данные остались в кассе на билетном корешке.

Был этот Вася нескромно приметен: затемненные очки-велосипеды под Леннона, пакет с ночным видом Нью-Йорка и яркая куртка с психоделическими вставками. Надеюсь, именно этим он и запомнится.

«Все, вот теперь можно и расслабиться на часок», – выдохнул я с облегчением и плюхнулся в кресло у окна.

За иллюминатором, совсем недалеко, застыл тихий заснеженный лес. Пара крупных воронов вальяжно перескакивала с ветки на ветку. Я невольно позавидовал их простой животной жизни.

«Что-то я себя загоняю... Прямо «и вечный бой, покой нам только снится». За зиму ни разу в Павловск не выбрался, – посокрушался я. – Как бы с Томкой вдвоем, да на финских санях порассекать?»

И я невольно покривился, вспомнив, как изворачивался вчера перед ней, объясняя, почему мы не встретимся ни вечером, ни завтра.

Ложь, мелкая регулярная ложь наглым непрошеным гостем вторглась в мою жизнь. Я врал тем, кто мне верит. Я врал той, что любит. Это было унижительно, и порой я себя презирал. И еще этот липкий страх разоблачения... Я даже не знаю, что буду делать, когда вся эта ложь поползет наружу.

«Нет, точно надо будет нам выбраться за город, пока снег еще лежит, – пообещал я сам себе, отгоняя подальше мрачные предчувствия, а потом, пока не забыл, сделал в памяти еще

одну пометку: – Залезть в классный журнал и узнать адрес Мелкой. А то два дня ее в школе нет... Заболела, наверное, а я даже не знаю, куда идти, чтобы провести».

Как-то так само собой сложилось, что я стал приглядывать за этой девочкой. Это не было повседневной заботливой опекой. Скорее, я взял за правило контролировать ее издали. Мы не часто разговаривали и почти никогда – один на один. Зато научились обмениваться взглядами и понимать их значение.

Я чувствовал, что нравлюсь Мелкой. Но она не пыталась вклиниться в мои отношения с Томой, и я был ей за это глубоко благодарен.

Она, в свою очередь, знала, что я приглядываю за ней, и молчаливо признала за мной такое право. В том с ее стороны не было какой-то расчетливой корысти, лишь греющее душу доверие. Странно, но оно порой возвышало меня в собственных глазах больше, чем все письма Андропову, вместе взятые.

Я отвернулся от иллюминатора, прикрыл веки и еще раз мысленно пробежался по своему графику: «Пять часов между прилетом и обратным вылетом. Час на регистрацию, два часа дороги... В самый притык получается!»

Успокаивало меня лишь то, что в потайном кармане куртки, рядом с письмами на итальянском, лежало два запасных билета на более поздние рейсы.

Нет и еще три года не будет в Ленинграде итальянского консульства, поэтому мне приходилось устраивать эту эскападу на выезде, к тому же с неясными шансами на успех. Но другого плана у меня сейчас просто нет, поэтому буду играть этот политический карамболь.

Самолет качнуло, началась рулежка. Взгляд мой бездумно скользил по уплывающим назад елям, изредка цепляясь за белые полосы березовых стволов, а мысли, словно то воронье, все кружили и кружили над одним и тем же местом: «Ничего личного, так надо. В тот раз было Иоанном-Павлом Вторым больше, в этот раз будет меньше. Шальной джокер, что история дружелюбно подкинула Бжезинскому – символ и флаг раздуваемого им в Польше пожара, – ну зачем он ему? Пусть будет по-честному, без этих поддавок и подарков. Афганистан, не совсем адекватный Брежнев, «польский папа», корейский «боинг», Чернобыль... Я пересдам карты заново, тогда и посмотрим, чья возьмет».

Тонкий свист турбины наполнил салон, пробирая до самых костей, – пилот, удерживая тормоза, вывел движки на взлетный режим. Самолет застыл, чуть подрагивая, словно кошка перед прыжком. Потом меня вжало в кресло, а свист вдруг обрел необыкновенную глубину и силу, превратившись в рев неведомого зверя. Мелькнуло своими гигантскими перевернутыми «стаканами» здание «Пулково», и мы оторвались от бетонной полосы – легко и мощно. Сразу пошел крутой набор высоты, и Ту воткнулся в облака. В салоне резко потемнело, мелко затрясло, и заложило уши.

«Папабили – какое забавное слово...» – подумал я, отворачиваясь от окна.

Черeda пап семьдесят восьмого года, двое похорон и две интронизации, закулисная борьба мощных ватиканских группировок – вот точка приложения моих сегодняшних усилий.

Смерть Павла VI от инфаркта в августе этого года в моей истории никого не удивила – понтифику было за восемьдесят. А вот скоростная кончина его сравнительно молодого преемника, Иоанна-Павла I, происшедшая при подозрительных обстоятельствах почти сразу после интронизации, породила вал версий, будоражащих умы и десятилетиями позже.

Участники же последнего, октябрьского конклава оказались расколота на сторонников двух претендентов – лидера консерваторов Джузеппе Сири, архиепископа Генуи, и более либерального Джованни Бенелли, архиепископа Флоренции. Кандидатура первого набрала большинство, но кардинал по личным соображениям опять (уже в третий раз!) отказался от папской тиары. Тогда и сошлись на подвернувшемся под руку поляке Войтыле, который оказался компромиссным решением для конкурирующих группировок.

«Какая тонкая, неочевидная историческая цепочка! – удивился я, исследовав ситуацию. – А где тонко – там и рвется. Тут можно поработать».

Сегодня я попробую отодвинуть смерть Павла VI хотя бы на несколько месяцев. Глядишь, и не появится Иоанн-Павел I, а там уже, после такого сдвига истории, у Войтылы не будет ни одного шанса... Не то чтобы это само по себе снимет польский кризис, но вот облегчить его течение может. Такими шансами в моем положении пренебрегать нельзя.

Получится или нет – не знаю. В определенном смысле это будет натурный исторический эксперимент. Случайно ли инфаркт настиг Павла VI вскоре после похищения и убийства виднейшего итальянского политика Альдо Моро? Они ведь дружили больше сорока лет, с довоенной поры, когда будущий папа был капелланом Федерации католических студентов, а Альдо Моро – ее молодым руководителем. После похищения политика «красными бригадами» Павел VI неоднократно предлагал себя на обмен, а после убийства – лично провел последнюю свою заупокойную мессу. Протянет ли его сердце хотя бы несколько дополнительных месяцев, если убрать этот стресс?

Я собирался проверить это на практике. Осталось исполнить задуманное: донести конверты до получателей – генерала Джулио Грассини в SISDe⁵ и, копией, до надзирающего за ним Франко Евангелисти. Этого должно хватить. Они землю будут рыть хотя бы из чувства политического самосохранения.

Конечно, утечки неизбежны – латиняне болтливы, словно ветреные девицы. Без сомнения, о письмах из Москвы очень быстро узнает ЦРУ – вероятно, уже на предстоящей неделе. Соседи по континенту традиционно просвечивают Рим своими спецслужбами, а значит, к концу месяца в курсе будут и Лондон, и Стокгольм, и Бонн... Да и Берлин, пожалуй, тоже.

А масонскую ложу «Пропаганда-2» можно вообще считать почти официальным адресатом – оба министра-получателя являются ее членами. Конечно, от масонов там осталось только название: так-то это удобная, почти клубная форма прикрытия вполне традиционной специальной и полулегальной политической деятельности вокруг интересов влиятельных групп. Таких в Италии много, поэтому знать будут все.

Следовательно, о «московском письме» дней через десять услышат и на Лубянке.

«Как быстро они придут к очевидному выводу? Уверен, с утечкой по «Хальку» КГБ уже разобрался. И тут парный случай, в Италии... Я даже знаю, какой следующий вопрос задаст мне Юрий Владимирович... – И я мысленно поморщился. – Остается надеяться, что оно того стоит. Да и все равно шила в мешке долго не утаишь...»

Мы вынырнули из серой мглы. Салон залило ярким, неожиданно теплым солнечным светом. Я задернул матерчатую шторку и нахмурился в раздумьях. Озадачил меня вчера Юрий Владимирович, ох и озадачил. Совсем не такого вопроса я ожидал от второго сеанса связи.

«Что для вас «советский человек»?»

Умен Андропов: мягко вытягивает меня на разговоры «за жизнь». Простой вопрос, предлагающий широкий выбор вариантов для отвечающего. Такой ход позволяет завязать диалог с обстоятельным развертыванием понятий. М-да... А используемая мною личная семантика обязательно многое расскажет специалистам.

Можно, конечно, разразиться в ответ «красной истерикой». Пусть думает, что на другом конце провода сидит экзальтированный коммунары, случайно награжденный даром свыше. «Сумасшедший пророк» – не самая плохая маска для меня, так можно играть годами.

Но только для дела она крайне вредна. Слишком велика ставка для легкомысленных игр. Мне нужно хотя бы минимальное доверие получателя – теперь уже не к передаваемой фактологии, а к моим мотивам.

⁵ Il Servizio per le informazioni e la sicurezza democratica (Служба информации и демократических гарантий) – служба внутренней безопасности Италии.

«А впрочем, к черту страхи! – подумал я. – И правда, что для меня «советский человек»? Понятно, что это не синоним жителя СССР. Это – специзделия, это – вершины социальной и педагогической селекции. Но их хватало, и они были заметны».

Я потер лоб, пропуская через себя память: советский человек... Каким он был?

За шелухой казенной идеологии он ясно видел будущее – справедливый мир единого человечества. На меньшее советский человек был не согласен, и оттого тесно ему было в настоящем. Этим масштабом он мерил все вокруг – и себя, и потому был свободен, как никто до него.

Я верю – там, откуда я ушел, СССР однажды вернется, пусть называться та страна будет иначе. И советский человек вернется. А быть может, он никуда и не уходил: лишь сделал шаг в сторону да смотрит с усмешкой за потугами временщиков-мещан. Они выгрызли СССР изнутри точно крысы, поселившиеся в головке сыра. Но разве у кого-то повернется язык назвать таких крыс победителями? Создавать – не выгрызать. Будущему нужны люди с настоящей мечтой – о счастье для всех. И такие люди придут. Они вернутся. Я верю.

А здесь... Здесь мне повезло. Советский человек еще никуда не ушел. Мне надо не забывать, что я – не один. Что мне – повезло. «Я счастливый, как никто...» – улыбка бродила по моему лицу, пока я мурлыкал про себя куплет.

«Спасибо, Юрий Владимирович. Спасибо за хороший вопрос. Нет, так я отвечать не буду. Придумаю что-нибудь еще. Но за правильный вопрос – спасибо».

Эту улыбку я пронес через весь полет, и даже сквозь зал «Шереметьева» к такси я так и шел – с улыбкой.

Тот же день, позже

Москва, Лубянка

Из светло-оливковой «Волги» я высадился напротив «Детского мира». Через площадь, невольно притягивая взгляд, высился Комитет. От привычного строгого фасада сейчас была только правая его половина, несимметричная и кургузая. Прилепившийся слева бывший доходный дом выглядел, благодаря щедрому дореволюционному декору, кукольно-несерьезно. Уцелевшие на его башенке женские фигуры, символизирующие Справедливость и Утешение, невольно наводили на совсем уж крамольные мысли. Неудивительно, что совсем скоро знакомый фасад задрапирует весь квартал, обретя наконец свою монументальную законченность.

А еще, вскинувшись разящим мечом своей эпохи, стоял посреди площади Железный Феликс. Каким-то неведомым образом он собирал разбросанные вокруг разномастные здания в столь редкую для Москвы архитектурную композицию. Выдерни его – и все рассыплется.

«Нет, все-таки Вучетич был гений... – решил я, – и как это милосердно, что ликующие варвары расправлялись с памятниками уже после его смерти. Стать частью коллективного Герострата легко: не надо даже дергать за веревку, лишь крикни со всеми «вали»! Короткий миг – и вот ты уже в одном строю с теми, кто раскладывал на площадях костры из книг. Рабы истории... Они рабами и остались, сколько бы статуи ни повалили, сколько бы ни уничтожили библиотек. Свобода добывается иначе».

Я двинулся к цели, нет-нет да и поглядывая на грозные окна невдалеке. Уместно было бы как-то тонко пошутить, но с этим у меня сегодня не вышло. Вместо этого я еще раз придирчиво оглядел себя и остался доволен: переодевшись, Вася Крюков стал неприметен, аки серая мышка.

– Lux ex tenebris. Audi, vidi, tace, – негромко размял я горло латынью. – Fiat lux et lux fit⁶.

В холодном московском воздухе слова «вольных каменщиков» звучали напыщенно и нелепо. Да и как еще они могли звучать в месте, где в десяти шагах справа, на Кирова – камен-

⁶ Свет из тьмы. Услышь, узри и молчи. Да будет свет, и стал свет (*лат.*).

ные мешки подвалов Тайной канцелярии, а слева, за стенами – не менее знаменитая внутренняя тюрьма Лубянки, что являлась мне в кошмарных снах этой зимы?

Я заткнулся и ускорил шаг.

Была, определенно была своя ирония в том, что эту операцию мне приходилось проводить в самом просматриваемом квартале страны: даже за кремлевской стеной плотность наблюдения ниже. Но других вариантов не нашлось. Теперь я шагал по почти пустому переулку, и вслед мне топорщились из-за забора странного вида антенны одного из самых режимных объектов страны – центра засекреченной связи. Звуки моих шагов отражались от фасадов следственного управления Комитета, отдела кадров, столовой...

Несомненно, я попадал сейчас на пленку: камер тут наткано – что булавок в бабушкину подушечку. Наглости мне придавало знание двух вещей. Во-первых, вся система наблюдения в квартале заточена на предотвращение проникновения на режимные объекты, а мне туда совсем даже не надо. А во-вторых, через неделю, при отсутствии происшествий, все пленки за сегодня сотрут. Этого должно хватить: КГБ просто не успеет узнать, что передача посланий была осуществлена именно здесь, буквально на их заднем дворе.

Но все равно меня одолевали сомнения. Не совершаю ли я свою последнюю глупость? Может быть, есть смысл отменить операцию и просто пройти мимо?

Нет. Я сжал упрямо челюсти и свернул к храму Святого Людовика Французского, единственному действующему католическому приходу Москвы.

У приземистого портика с мальтийским крестом на фронте было безлюдно – вторая служба уже началась. Под ноги мне легли вытертые за полтора столетия ступени. Потом я шагнул в храм.

Справа, в притворе, стояла чаша. Я макнул пальцы в воду, обмахнулся ладонью. Сделал три шага вперед и припал на правое колено перед табернакулой⁷, осенив себя еще одним крестным знамением. Потом прошел в центральный неф и сел с краю на жесткую скамью.

Немногочисленные тетки в вязаных шапках чуть покосились на меня, но я уже наклонился вперед, молитвенно сложив ладони (а заодно прикрывая часть лица), и зашептал вслед за пастырем:

– *Laetare Jerusalem: et conventum facite omnes qui diligitis eam*⁸...

Спустя минуту интерес ко мне со стороны пожилых прихожанок угас. В любом случае по возрасту я уже вполне мог пройти конфирмацию, так что приставать ко мне с вопросами во время службы всяко никто не стал бы.

Я начал осторожно оглядывать зал перед собой.

У алтаря совершал литургию Станислав Можейко. Несмотря на понукания Ватикана, старик упрямо держался Тридентского чина, и поэтому мне была видна только его облаченная в розовую казулу спина. Справа от него стоял старейший министр – пан Генрих, сухой и вездесущий. Вот его внимания привлекать точно не следовало – он из тех, кто все видит и ничего не забывает. Где-то у меня над головой, за пультом раздолбанной фисгармонии, должна была сидеть единственная известная мне сексотка прихода. Я рассчитывал так и остаться вне поля ее зрения. Больше, насколько мне удалось узнать, опасностей здесь нет – стационарный пост у храма пятое управление разворачивало только по значительным праздникам или перед приездом иностранных делегаций.

Я покосился налево. Там, в боковом нефе, меж высоких стрельчатых окон, стоял конфессионарий, чрезвычайно похожий на двустворчатый шкаф-переросток. Лишь необычная его

⁷ **Табернакула** – дарохранительница, где постоянно хранится освященный хлеб, почитается как место постоянного присутствия Бога.

⁸ Возвеселитесь с Иерусалимом и радуйтесь о нем, все любящие его... (*лат.*) (Ис. 66:10)

ширина да вентиляционные решетки на уровне голеней давали понять, что все сложнее – туда залезают люди.

«Исповедальная на месте, – выдохнул я с облегчением, – да и куда бы она могла отсюда деться. Так, и где мой итальянец?»

И я зашарил взглядом по затылкам сидящих впереди, разыскивая Рафаэля.

Мне подфартило при разработке операции – благодаря КГБ. Пару месяцев назад наши начали разрабатывать коменданта посольства Италии: уж больно выразительно тот косился на голубоглазых блондинок. Был ли то природный темперамент или отсутствие жены, что дохаживала беременность на родине, но момент сочли благоприятным, и две недели назад бойкая «ласточка» начала скрашивать ночное одиночество вынужденного холостяка.

Все было бы ничего и, может быть, прошло бы как по маслу – не в первый и не в последний раз иностранцы влипали в СССР в умело расставленную «медовую ловушку», но в этот раз КГБ не повезло: под маской простака-коменданта в Москве пересиживал перетруску итальянских спецслужб Рафаэль Палумбо – человек опытный и тертый, бывший куратор Ordine Nero⁹ и, что было для меня особо важно, близкий друг Джулио Грассини.

«Комендант» быстро раскусил смысл суеты вокруг себя и, ухмыльнувшись, решил, что не имеет ничего против небольшой, но приятной во всех отношениях интрижки с Комитетом. Он спокойно вел свою немудреную игру с «ласточкой», изображая постепенное зарождение страсти, – в конце концов, эту комбинацию можно использовать и так.

Оборвалось все внезапно, сегодня утром, когда звонок над дверью разродился неожиданной трелью, а почтальон протянул телеграмму из Рима:

«Сложные роды тчк Беттина вне опасности тчк мальчик воскл зн направлен реанимацию тчк молимся тчк Лучано тчк».

Несколько кривовато наклеенных бумажных полосок с отпечатанным текстом вдруг преломились в религиозном сознании получателя в грозное предупреждение свыше. Решив, что промедление смерти подобно, Рафаэль начал действовать стремительно: первой с вещами на лестницу вылетела ошеломленная таким поворотом событий «ласточка», а через пять минут по ступеням торопливым коlobком скатился и сам итальянец – он всеми фибрами души ощущал настоятельную необходимость срочно покаяться.

Меня эта случившаяся в прошлый раз история более чем устраивала. Пока Станислав Можейко будет переоблачаться из литургической казулы в повседневную сутану, Рафаэль будет преть в исповедальном шкафу, нервно твердя «...Охрани жизнь детей наших...». Момент очень удобный – итальянец меня даже не увидит. Я произнесу из-за двери кодовую фразу, что принята в их ложе для этого уровня посвящения, затем инструкцию в три фразы, суну в щель конверт – и ходу, таков был мой план.

Мой взгляд наконец обнаружил впереди толстый закрывок «коменданта».

«Все хорошо, все идет по плану», – мысленно успокоил я себя и забормотал со всеми: – *Prope est Dominus, Ave Maria*¹⁰...

Время от покаяния до причащения тянулось необычайно долго. Я успел замерзнуть – в храме было холодно, да к тому же и сумрачно – паникадило почему-то было погашено. Вместе со всеми я вставал, пел, опускался на колени. Наконец хором закончили запричастный стих и выстроились к амвону.

Я внимательно разглядывал лица уже причастившихся. Для большинства служба была зрелищем сродни походу в цирк. Но не для всех. Некоторые, похоже, действительно ощущали

⁹ «Черный орден» – итальянская военизированная профашистская группировка, активный участник «стратегии напряженности» в период 1974–1978 гг.

¹⁰ Господь близок, славься, Мария... (*лат.*)

в происходящем нечто бесконечно ценное и были готовы заплатить за это всем спокойствием души.

Я испытал к ним странную зависть, впрочем, мимолетную. У меня есть свой символ веры, ничуть не хуже. Почему-то мне в тот момент показалось это важным. Я ощутил воодушевление и прилив сил.

Потом дошла очередь и до меня.

– Аминь, – пробормотал я, потупившись, и высунул язык.

«Интересно, – успел подумать, – они на наших собраниях так же притворяются?»

Толстые мучнистые пальцы настоятеля вложили мне в рот плоскую лепешку, и я тут же перекинул ее под язык.

Отходя, заметил впереди плешь Рафаэля. Он стоял всего в пяти шагах от меня, у иконы, и зажигал свечу. От волнения я проглотил кашицу, в которую почти сразу превратилась облатка, не задумываясь, и каков был католический бог на вкус – так и не понял.

Наступил тонкий момент: паства расходилась, зал пустел. Мне же надо было дожидаться, когда Рафаэль втиснется в исповедальную. Поэтому я отступил налево, в придел Святого Людовика, и, скосив глаза на итальянца, тихо забормотал, методично обмахивая себя ладонью:

– Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь. Благослови, Господи, начинаемое мною дело...

В одном я мог быть твердо уверен: пока я творю молитву, никто не будет задавать мне вопросов, а это уже немало.

Я отвлекся лишь на миг, на статую святого Бернарда: идейный вдохновитель крестового похода на западных славян прикинулся совершенно невинной овечкой и тем привлек мое внимание. Когда же я опять взглянул направо, Рафаэля на месте уже не было. Чуть повернул голову, надеясь обнаружить его около настоятеля, но итальянца не было и там.

– ...Не понял. – Моя молитва прервалась самым неканоническим образом.

Изо всех сил стараясь шагать неторопливо, вернулся в центральный неф – как раз чтобы заметить в проеме выходящего из храма Рафаэля.

Я так удивился, что чуть было не крикнул ему в спину: «Ты куда? А в блуде покаяться?!»

Внушительная, раздававшаяся виришь фигура итальянца удалялась от меня тяжелой неторопливой походкой. Я, словно сомнамбула, двинулся за ней. От волнения потемнело в глазах. С досады прикусил щеку, и слюна стала солоноватой.

В этот раз что-то пошло иначе. Но отчего?!

Ведь не могли же роды как-то сдвинуться из-за меня? Или могли?

Я потратил несколько секунд на вполне серьезное обдумывание возможной причинно-следственной связи, а потом обескураженно покачал головой. Нет, не складывается.

Похоже, я изменил течение жизни не только управления КГБ по Ленинграду, но и по Москве, и им стало не до Палумбо. Вот оттого и остался он в этот раз без «ласточки» – иных объяснений не находилось.

Пошедший наперекосяк сценарий настолько выбил меня из колеи, что о необходимости опускать голову и смотреть в землю я вспомнил, только выйдя из ворот храма в переулок.

«Засветился на пленке по полной», – затосковал я и со злобой сплюнул на ни в чем не повинный асфальт.

Итальянец тем временем неторопливо направился по Малой Лубянке в сторону Чистых Прудов.

«Правильно, у него съемная квартира за ВДНХ», – сообразил я, прищурившись ему вслед.

В голове начал, пока очень смутно, вырисовываться новый план.

Рискованно? Не без того, что уж теперь... Но слишком мало я нашел ключевых точек истории, на которые могу воздействовать самостоятельно. Упускать даже одну из них – непозволительная роскошь.

Я свернул через проходной двор к соседнему переулку и ускорился, перейдя на быстрый, очень быстрый шаг.

Немилосердно, до черноты в глазах заломило виски – я торопливо подтягивал себе навык наружного наблюдения.

Тогда, в купе, Володя не упомянул, а я – не уточнил, но дарованный мне брейн-сёрфинг имел ряд существенных ограничений. Да, можно использовать чужие навыки и умения, но, как быстро выяснилось опытным путем, не больше двух одновременно. Если натренировать подтянутый навык, он становился «своим» и один из двух виртуальных слотов освобождался для чего-то новенького. Такое обучение шло в разы быстрее, чем если бы все происходило в обычном порядке, но все равно требовало времени, и часто значительного. Вот и навык наружного наблюдения не освоен мною еще в полной мере, поэтому сейчас я был вынужден активировать его в весьма болезненном экстренном режиме.

Успел. Я добрался до нужного перекрестка раньше итальянца. Мне надо было убедиться, что за ним не волочится «хвост», и я встал за группу деревьев, наблюдая сквозь густые ветви за улицей. Рафаэль прошел мимо, не обратив на меня никакого внимания. Я выждал еще пару минут. Чисто. То есть вообще никого – переулки были совершенно безлюдны, и никто не контролировал итальянца издали.

«Конечно, – подумал я настороженно, – его могут пасти на машинах, двигаясь по параллельным улицам. Да и просто поджидать у метро. С другой стороны, если он не в разработке... Комитет не имеет возможности постоянно контролировать всех иностранцев. Есть шанс, есть!»

Я рванул дворами на Бульварное кольцо. Оно было уже рядом, и к спуску в метро я выскочил, даже не успев запыхаться. Расположился недалеко и, предельно сосредоточившись, запоминал всех входящих в вестибюль – и перед итальянцем, и сразу за ним. Таких оказалось немного, человек сорок. От напряжения спина у меня взмокла, перед глазами шла легкая рябь.

Сел через два вагона от Рафаэля. Состав шел полупустым, и контролировать обстановку было легко, к тому же большая часть попутчиков уже отсеялась.

«Сейчас мне придется сильно рисковать...» – На подъезде к ВДНХ сердце нещадно замолотило.

Я сделал несколько глубоких вдохов и надел перчатки.

Двери открылись, и я шагнул на перрон, выгрызая взглядом обстановку.

«Раз – дедок был. Два – женщина в шубке была. Все? – Я огляделся, быстро прокручивая в уме свежие еще воспоминания. – Точно, все. Ох не тянут они на наружку, ох не тянут... Шубка у женщины очень приметная, черная, с белым отложным воротником. А у деда вислые седые усы. Яркие особые приметы – отмечаю?»

Я пропустил Рафаэля, а потом пристроился сразу за ним в очередь на подъем. На все про все у меня было секунд сто. В голове словно затыкал метроном.

Встав на ступеньку, оглянулся. Дед с усами нас обогнал, женщина в приметной шубке ехала ниже, человек через пять после нас, и я ее почти не видел.

«Взяли в коробочку? Совпадение?»

Я поколебался еще пару секунд, потом решил. Нашупал во внутреннем кармане конверты и, придав голосу максимальной солидности, негромко приказал по-итальянски в затылок:

– Рафаэль, не поворачивайся.

Толстый загривок итальянца чуть заметно шевельнулся. Рука коменданта, до того ослабленно лежащая на черной ленте поручня, напряглась.

Я перешел на латынь:

– Lux veritatis intaminatis fulget honoribus¹¹.

Чуть помедлив, правая кисть Рафаэля сложилась в ответный жест: большой палец сомкнулся в тесное кольцо со средним, остальные распрямились.

– Отлично, – выдохнул я с облегчением, вернувшись к итальянскому, и между делом вернул прозвище Палумбо студенческих времен: – Филлучо, есть срочное и важное дело.

Он чуть повернул голову, прислушиваясь к идущему из-за спины голосу.

Я негромко забормотал ему в затылок:

– Бригадисты планируют через десять дней громкую акцию. Очень громкую. Есть шанс повязать их всех. Сейчас я засуну тебе в карман два конверта, там подробно расписаны детали запланированной операции. Надо срочно, уже завтра, доставить их в Рим знакомым тебе адресатам. – Я сделал паузу, давая ему осмыслить сказанное, а потом спросил: – Ты готов?

Он едва заметно кивнул и слегка развернулся ко мне правым боком. Я чуть сдвинулся, прикрывая происходящее от стоящих ниже, и, стараясь не мельтешить, вложил послания. Он тут же засунул в карман руку и протолкнул конверты глубже.

Уф... Я провел матерчатой перчаткой по лбу, стирая пот. Немного выждал, потом сказал:

– Хорошо. Теперь пройдишь по ступеням вверх. И не оборачивайся, не надо.

Он обреченно вздохнул, но затем послушно начал подъем, пусть и весьма неторопливо. Понимаю – такую тушу тащить вверх непросто...

Выйдя вместе со всеми из вестибюля, я еще раз проконтролировал обстановку. Сначала пришлось поволноваться: и Рафаэль, и приметные попутчики устремились в подземный переход. Но потом итальянец встал на остановку дожидаться троллейбуса; усатый дед, энергично помахивая рукой, двинулся налево, вдоль забора возводимой к Олимпиаде гостиницы «Космос», а женщина в черно-белой шубке, напротив, ушла направо, к дому с надписью «Электро-товары» на крыше. Никто из них ни разу не взглянул на Палумбо.

Я еще раз стер пот с покрасневшего лица. Проклятая вегетатика: похоже, она каждый раз выдает меня с головой.

Когда троллейбус увез итальянца, а слежки за ним я так и не обнаружил, из меня словно выдрали позвоночный столб. Я, конечно, заставил себя проехать еще пару остановок на метро, осторожно при этом проверяясь, но чувствовал себя в лучшем случае тряпичной куклой. В такси я почти что вполз.

– Шереметьево, опаздываю, – сказал слабым голосом водителю и совершенно без сил откинулся на спинку.

«Пронесло? – подумал неуверенно, а потом со злобной решительностью приказал себе: – Нет, все, с этой самодеятельностью надо завязывать. По грани хожу. Хватит. Господи, как же хорошо, что все это позади! Теперь до осени – ничего сложнее школьных олимпиад!»

Конечно, это была иллюзия, но тогда я об этом еще не догадывался.

¹¹ Свет истины сияет незапятнанной красотой (лат.).

Глава 3

Понедельник 6 марта, утро

Ленинград, Измайловский проспект

– Вместе весело шагать по просторам... – присоединился я к летящей из радио песне, напутствуя уходящих родителей. Мою иронию проигнорировали.

– Не опоздай смотри, – оставила мама привычное указание.

Я мотнул головой и закрыл за ними дверь. «Пионерская зорька» закончилась, пошли «Новости». Убрал звук, и ноги сами занесли меня в мою комнату. Я еще раз озабоченно изучил трещинки на потолке – после вчерашних экзерсисов ко мне вернулась паранойя.

«Вроде бы чисто...» – отметил я, но червячок сомнения продолжал где-то внутри свою неторопливую грызню.

Вообще-то мне по нраву этот кусочек утра – полчаса неторопливого одиночества до выхода в школу: отличное время, чтобы помечтать за завтраком о чем-нибудь в собственное удовольствие. Если правильно настроиться, то время течет лениво, словно большая-пребольшая вода над головой, и будущее наливается красками; пусть это все в грезах, но все равно приятно.

Сегодня, однако, не мечталось – не тот был настрой. Я деловито жевал обжаренную в омлете булку и мысленно пробежался по намеченным вешкам: «Слава те господи, отстрелялся... Все, на ближайшие месяцы никаких поворотных исторических точек, можно расслабиться. В Иране все только начинается, до Тримайлайленда еще год... Первый корейский «боинг» пропускаю, до «Народного храма» в ноябре время еще есть... Что там на мне по мелочам висит? Городской тур по математике в воскресенье, а перед ним, в субботу, агитбригада. Грызть дальше модулярные функции, а потом, уже летом, переводить доказательство теоремы Ферма на бумагу... – И мысль моя заскользила вбок, к недавно освоенному: – Ах, но до чего ж удивительна эта предельно возможная симметрия! Фрагменты функций можно менять местами, поворачивать бесконечно многими способами – и при этом вид самой функции не изменяется. Поразительно красиво! Жаль, что эти функции невозможно представить – мы живем в трехмерном, а не в гиперболическом мире. А законы природы, похоже, действительно упрощаются, будучи выраженными в высших измерениях. Если Бог был, то при сотворении Вселенной у него не было выбора – он, по соображениям сопряженности, мог создать ее только так...»

Минут через пять я отмер и метнул испуганный взгляд на часы. Торопливо заглотил подставший кусок и вернулся к реальности:

«Вопросик с подковыркой от Ю Вэ висит... А не пора ли и самого Андропова поковырять? Подкинуть, что ли, досье по Средней Азии и Закавказью, пробить «на слабо»? Нет, понятно, что большую часть он видит и так, но в формате диалога со мной, в связке с «советским человеком» это может прозвучать иначе, с другими последствиями».

И я взгрустнул, представив себе объем писанины – даже с использованием скорописи. А что делать? Писать, писать и еще раз писать...

«Ну и моя зеленоглазая, конечно. – Легко улыбаясь, я протер тарелку последней хрусткой корочкой. – Давно меня так не накрывало наваждением – и больно, и светло, и не хочется терять своей наивности...»

Грянувший, иного слова не подберешь, телефонный звонок был омерзителен – я выпал из нирваны, словно сорвался с верхней полки в поезде.

– Да? – От испуга в горле у меня застряла хрипотца.

– Андрей? – В знакомом женском голосе прозвучала легкая неуверенность.

– Доброе утро, Светлана Витальевна, – поприветствовал я «завуча».

– Уверенно опознал... – весело удивилась она.

– Нет, – мягко поправил я, – «узнал», «признал», но не «опознал».

Она легко согласилась:

– Тоже верно... Так, Андрей, в школу сегодня не идешь, я с Татьяной Анатольевной договорилась.

«Завуч» выдержала паузу, но я промолчал.

– Кхе... – негромко кашлянула Светлана Витальевна и продолжила: – Встречаемся пол-одиннадцатого на Владимирской, на троллейбусном кольце, хорошо? Проедем несколько остановок до места.

Перед моим внутренним взором приветливо встал своим тяжеловесным фасадом Большой дом, и я быстро уточнил:

– До начала Литейного проехать, да?

Трубка помолчала. Я даже начал беспокоиться, когда оттуда прозвучал знакомый уже вопрос:

– Ты поступать-то куда собираешься?

– Петродворцовое общевоинское командное, – привычно отрапортовал я.

– Ага... – сказала Светлана Витальевна многозначительно, потом повторила: – Ага, шутим...

Я мысленно хмыкнул: тест пройден, она ленинградка. Это училище у жителей города словно притча во языцех, как самое строевое из строевых, и заявление о намерении поступить туда от учащегося спецшколы могло быть только формой стеба.

– Ну ладно, об этом сейчас не к спеху, – бодро продолжила «завуч», – значит, пол-одиннадцатого, договорились?

– Хорошо, – откликнулся я, – договорились.

Я приехал с пятиминутным запасом, но брюнетка уже ждала, нетерпеливо притоптывая сапожком по лужице. Оглядела меня, чему-то удовлетворенно кивнула и соизволила пояснить:

– Я предложение о поисковой экспедиции на майские подала. Времени осталось мало, мероприятие – сложное, поэтому, братья за него или нет, надо решать быстро. И тут много разных вопросов возникает... Конечно, по-хорошему надо было бы везти студентов, да со старших курсов, но, понимаешь, в силу определенных соображений нужны участники именно из вашего класса.

– Понимаю, – сказал я.

Она пристально посмотрела мне в глаза, потом кивнула:

– Кажется, действительно понимаешь... Тем лучше. Одно из необходимых условий для экспедиции – это управляемость данной группы школьников.

Я согласно прикрыл веки:

– Мальчишки, оружие...

– Выпивка... – подхватила она и, оглянувшись на подъехавший троллейбус, скомандовала: – Садимся.

Пока я брал билет, она заняла место у окна на заднем сиденье. Попутчиков практически не было, и я сел напротив.

– Нет, – сказал уверенно, – с выпивкой все будет нормально. Да и с найденным оружием тоже, я им объясню.

– Вот! – Она многозначительно воздела палец. – Вот именно в этом товарищи и хотят убедиться: что эта группа школьников уверенно управляема изнутри. Без этого нет смысла братья.

– То есть, – сообразил я внезапно, – вы меня показать везете?

– Да. – И она еще раз пробежалась по мне оценивающим взглядом.

Проехали мимо «Сайгона», пересекли Невский. Проплыла за окном знакомая «Старк-нига», потом лекторий «Знания».

– Одного не понимаю, – отвернулся я от улицы, – как можно по мне в кабинете определить управляемость группы.

Она отмахнулась:

– Повезло. Дядька один из Москвы приехал шибко грамотный. Посмотрит на тебя и решит. Я-то тебя в действии видела... Но надо, чтобы кто-то посолиднее взглянул.

– Что, – не поверил я, – ради этого приехал?

– Да нет, конечно, – засмеялась она, – так, по смежным вопросам прислан поработать...

Наша, выходим.

Контроль на входе мы прошли быстро: Светлана Витальевна махнула пропуском, дежурный прапорщик нашел меня в каком-то списке, и мы пошагали вперед.

Я с интересом вертел головой. На первом этаже, ближе ко входу, Большой дом был помпезен, но чем дальше мы углублялись в его переходы, тем все больше он начинал походить на Софьино общежитие: те же разбегающиеся во все стороны длиннющие коридоры с паркетом-елочкой на полу и те же ряды крашенных дверей, разве что освещение получше да чашечки с пластилином на дверях напоминали о режиме.

Нас проверили еще дважды: на площадке шестого этажа и в самом конце пути, перед входом в небольшой тупиковый отсек. Здесь Светлана Витальевна предъявила какой-то новый пропуск, а я удостоился внимательного разглядывания от серьезного мужчины в штатском.

– Посиди пока здесь. – Моя провожатая завела меня в большую светлую комнату на три окна и моментально испарилась.

Вернулась через пару минут с выражением легкого недоумения на лице.

– Какое-то срочное совещание созвали, ждем. Чаю хочешь? – И она принялась не глядя доставать из тумбочки чайные принадлежности.

Я хмыкнул и подошел к окну. Ниже виднелись зарешеченные окна «Шпалерки» – первой следственной тюрьмы России. Сколько в этих камерах интересных людей посидело: от Ленина с Мартовым до Гумилева с Хармсом... Фамилиями постояльцев назван с десяток улиц города – можно ли найти более явное указание на то, как переменчива порой бывает судьба?

Я взял горячую чашку, несколько сероватых листов бумаги и отсел на уголок большого стола. Сделаю еще одну попытку самостоятельно доказать, что кривая Фрея не является модулярной... Может, сегодня получится?

На какое-то время я выпал из реальности.

– Что это у тебя? – прозвучал женский голос, и я в недоумении оторвался от формул.

Ну конечно, Светлана Витальевна не могла не засунуть свой любопытный лисий нос в мои записи.

– Математика, – буркнул я недовольно.

– На школьную не похоже... – Она даже голову свою вывернула набок, пытаясь разобраться в моих закорючках.

– У меня в воскресенье городская олимпиада... – проскрипел я придушенно.

– А... – выдохнула она с облегчением. – А что в математическую не пошел?

Я чуть помедлил и отложил листы: нет, и сегодня не получится.

– А не хочу... – ответил я, а потом прислушался к себе и спросил: – А можно нескромный вопрос задать?

– Ну задавай, – позволила она осторожно.

– Где здесь туалет?

Светлана Витальевна с облегчением фыркнула:

– Пошли покажу, – не поленилась выйти со мной за дверь и указала рукой в сторону окна в торце коридора: – До окна и направо.

Я двинулся к цели, ощущая на спине ее взгляд. Режимное заведение, ничего не попишешь...

Туалет в этом важном здании был исполнен в привычно минималистической стилистике: белый кафель на стенах, крашенные синей краской кабинки. Я занял одну из них.

Почти сразу же из коридора послышались приближающиеся мужские голоса, и в туалет зашло несколько человек. Дружно зачиркали спички.

«Совещание закончилось», – догадался я и толкнул дверцу, выходя.

– А по китайским иероглифам надо с куратора восточного факультета начать, – выдохнув к потолку дым, начал размышлять вслух один из курильщиков. Затем дернул головой на движение и заметил меня. На лице его промелькнула досада.

Я опустил глаза в пол и попытался превратиться в полупрозрачную тень. Возможно, даже получилось – когда проشمывал мимо, за плечо меня никто не схватил.

«Просто совпаденщице, да? – хорохорился я про себя. – Паранойя, говоришь?»

Вдох-выдох... Вдо-о-ох... Выдо-о-ох...

«Соберись. Ложится рядом, но пока не в твою воронку. Но очень рядом...»

Я с силой размял ладонями лицо и вернулся в комнату.

За дверью меня встретил звонкий женский смех, серебристый, с переливами. На углу стола сидел, наклонившись к раздумывавшейся Светлане Витальевне, какой-то чернявый мужчина и, энергично покачивая ногой, что-то ей жизнерадостно втирал.

– Не помешаю? – вежливо уточнил я.

Светлана Витальевна чуть слышно ойкнула. Чернявый обернулся и недоуменно заломил бровь.

– Георгий Викторович, – начала торопливо объяснять «завуч», – это по теме школьной поисковой экспедиции...

– Понятно, – прервал он и окинул меня цепким оценивающим взглядом.

Тут дверь за моей спиной распахнулась, и кто-то произнес запыхавшимся голосом:

– Товарищ Минцев, к аппарату! Москва, вторая линия...

Чернявый мгновенно посерьезнел и стремительно, точно крупная хищная рыба, проскользнул мимо меня.

– Закончилось? – уточнил я у Светланы Витальевны.

– Ага, – кивнула та, быстро разглядывая себя в извлеченном невесте откуда карманном зеркальце. Увиденным, судя по всему, осталась довольна – стрельнула сама себе глазами, чуть взбила челку и выжидающе уставилась на дверь.

Та, словно только того и дожидаясь, открылась. Светлана Витальевна чуть заметно посмурнела: вошедший был светловолос. Я узнал одного из курильщиков.

– Добрый день, Андрей, – кивнул он мне и мягко пожал руку, – садитесь. Чайком угостите? – повернулся он к девушке.

Дверь опять распахнулась и в нее, не заходя в комнату, просунулся Минцев:

– Витольд: все, я полетел докладывать. Работайте строго по планам. Светик – целую ручки, с меня – театр.

– Ловлю на слове, – довольно зарозовелась та.

Он, посерьезнев, посмотрел на нее длинным взглядом, словно запоминая покрепче, потом дверь закрылась.

– Поговорим? – повернулся ко мне Витольд.

– Светлана Витальевна сообщила мне цель беседы. Это не мешает?

Он тонко улыбнулся:

– Это я приказал так сделать. А ты уверен в себе, раз сказал об этом, верно?

– Вам, барин, виднее, – дурашливо ухмыльнулся я.

На лицо психолога напоззло озабоченное выражение.

«Ну а кому сейчас легко... – подумал я без всякого сочувствия, – меня бы кто пожалел».

Тот же день, позже

Из Большого дома я вывалился часа через три – совершенно очумелый, словно все это время меня без перерыва крутило и полоскало в баке стиральной машины. Мне было уже глубоко безразлично, к каким выводам придет мозгокрут Конторы. Не будет поисковой экспедиции – и ладно... Найду другие идеи. Размышлять об этом не было ни малейших сил. Хотелось расслабиться и бездумно брести куда глаза глядят. Пусть мелкий дождик холодит разгоряченный лоб, пусть привычно хлопает под ногами, а в голове не шелохнется ни одной мысли.

Но, оказалось, не судьба.

– Андрей? – окликнули меня, когда я спускался по гранитным ступеням Большого дома. Я неторопливо повернулся. То был Гагарин: в кепке, кургузом плаще, с авоськой в руках.

– Привет, – отозвался я с ленцой. Мысли мои были еще не здесь.

– Какими судьбами? – растерянно спросил он, переводя взгляд с меня на монументальные двери за моей спиной и обратно.

– К батю заходил... – безразлично шурясь в морозящее небо, ответил я. – А ты? Ах да, ты же тут рядом живешь, на Моховой.

– Откуда знаешь? – вскинулся он.

– Уф... – выдохнул я протяжно. – Я мог бы сказать, что нашел в телефонном справочнике. Но ведь там ничего не сказано про Глуздева Ивана Венеровича, одна тысяча девятьсот пятьдесят третьего года рождения, беспартийного, незаконченное высшее. Верно?

Он ошарашенно помолчал, потом на лице его проступило опасливое уважение:

– Ну ты даешь!

– А ты как думал! – Я взглянул на него со значением. – Все контакты проверяются. Это – азы. Ты куда?

Он качнул рукой по направлению к Невскому, и молочные бутылки в сетке жалобно звякнули.

– Тогда пошли, – двинулся я к перекрестку, Ваня пристроился слева. – Слушай, а хорошо, что встретились, – оживился я, – звонить теперь не придется. Восьмое марта накатывает, духи сделаешь?

– Франция? – Гагарин моментально приобрел деловой вид.

– Нет, – покачал я головой, – две «Пани Валевска» и «Рижская сирень».

– Полтос, – с готовностью откликнулся он.

– Ну ты жучара... Две цены!

Гагарин пожал с философским видом плечами и промолчал.

– На Техноложку привезешь? – подумав, уточнил я. – Завтра, к полчетвертого?

Он охотно согласился. На том наши пути разошлись. Я оставил за спиной повеселевшего Ваню и двинулся в сторону дома.

Слегка моросил дождь, мелкий и пока скорее приятный. Порой вдоль проспекта пролетал ветер и мягко толкал в спину. Я шел, глубоко засунув руки в карманы. Думать о подслушанной в туалете фразе не было сил. Переосмысливать появление «завуча» в школе – тоже. Я с готовностью впал в спасительное оупение, отложив все на потом.

Спустя какое-то время ко мне стали возвращаться простые животные желания. Сначала промокли ботинки и захотелось в тепло. Следом пришел голод, и я сообразил, что еще не обедал. Я заозирался соображая. Справа обнаружился цирк, и можно было вернуться на Литейный, за наваристым харчо из баранины, но почему-то остро захотелось чего-нибудь низменного, под стать настроению – например, жареных пирожков с мясом и горячего куриного бульона. И я зашагал к кафе «Минутка».

Решение оказалось верным. После второго стакана наваристого бульона ко мне вернулась ясность мысли, а с ней и холодок в груди. Слишком нехорошая складывалась картина, и сочный беляш я дожевывал без всякого удовольствия.

Собственно, гипотез у меня было ровно три.

Первая – совпадение. Ну могут же сотрудники КГБ заинтересоваться китайскими иероглифами не в связи со мной, ведь так?

Но, к сожалению, я не в том положении, чтобы верить в добрые светлые сказки.

Вторая – я случайно попал в эпицентр. Эта группа ищет именно меня. Не знаю, как они вышли на иероглифы, но они явно знают обо мне намного больше, чем я был готов предположить раньше в самых своих тревожных думах.

«Вот как?! Как?! – восклицал я про себя. – Ну как КГБ могло выйти на эту примету? Неужели кто-то из наших разведчиков в США смог снять информацию обо мне?! Или наблюдатели заметили иероглиф на трубе напротив квартиры Фолк? Но тогда они изучали бы этот вопрос не год спустя. Нет, только слив из Лэнгли...»

Страшней всего была третья гипотеза. Обдумывать ее не хотелось, но и не думать не получалось: быть может, Комитет уже вычислил меня и теперь изучает, подбирая подходы? Отсюда сегодняшняя беседа с психологом, отсюда и умышленная оговорка про иероглифы – посмотреть, как я задержуюсь после этого.

Я глухо застонал, представив последствия: «Это будет провал, полный и безусловный провал миссии. Даже года не продержался... Значит, лох я чилийский. Да и не то страшно, что лох, переживу. Обидно, но не страшно. А вот страна... Человечество...» – Вот за это мне было действительно страшно, до потемнения в глазах.

Если я уйду в клетку, то советские руководители не смогут с толком использовать выжимаемую из меня информацию. Их личный опыт военных лет формирует совершенно иную картину угроз, с доминированием в ней внешних сил. Это устоявшееся мировоззрение находит свое ежедневное подтверждение в жесткой, а порой и жестокой, борьбе двух блоков. Внутренние же дисбалансы нашей системы сейчас лишь вызревают под покровом благополучия и привычной лакировки, не став пока ни опасными, ни особо тревожными.

«У меня не хватит аргументов, чтобы провести их через катарсис. Не поверят... – с тоской понял я. – Весь их жизненный опыт будет против».

Лишь одно соображение удерживало меня от полного и безоговорочного отчаяния – карманное зеркальце в руках Чернобурки. Если оперативница работает по мне, то сценка флирта с чернявым была лишней. В сценарии не может быть столь ненужных наворотов.

«Не верю! – решил я, поднимаясь из-за стола, и повторил, пытаюсь убедить самого себя: – Не верю...»

Отогревшийся и сытый, я вышел на Невский и испытующе посмотрел вверх. Небо приоткрылось уставшим от дождя: просветлело и пошло разрывами. Я решил поверить ему и прогуляться до дома пешком.

Мысли мои были нерадостны: помимо подслушанного в туалете меня тревожил тот самый «губастый», что искал контакта со мной через Гагарина.

«Ладно, – размышлял я, – предположим самое худшее – он действительно из ЦРУ. Надо посерфить по их оперативникам – там, среди свободно владеющих русским, не может быть слишком много гомиков. Практически наверняка это будет мимо, но зато я успокоюсь. Да и сегодняшних людей из Большого дома тоже надо пробить. Как там... – Я согнал брови к переносице, припоминая: – Минцев Георгий Викторович и психолог Витольд».

И я сосредоточился на формировании очередного запроса к той бесподобной базе знаний, что связывала меня с прошедшим будущим.

Удивительно, но за этот неполный год я настолько вжился в свой СССР, что порой воспоминания о двадцать первом веке начинали казаться наведенными, и лишь этот функциони-

рующий информационный поток подтверждал: «Да, не привиделось, да, было в твоей жизни и такое».

«Без недели год в СССР... – Уголки моего рта наконец чуть изогнуло улыбкой. – Однозначно – лучший год моей жизни. За такое не расплатиться, я знаю... Но я попытаюсь».

Небо опять принялось выдыхать влагу, но мне по-прежнему было здесь хорошо.

«Как достойно отпраздновать эту годовщину? Купить торт и воткнуть свечку? Пошло. Отбить поздравительную телеграмму Юрию Владимировичу? Да, будет весело, но недолго и не мне... Нет, – подумал я, сворачивая в переулочек и переходя на легкий бег, ибо из-за крыши показалась чернющая туча, – это все не то. Это событие достойно большего».

Стоило мне выбежать на набережную, как с неба ливануло всерьез. До дома было всего ничего – и я со всех ног ломанулся к мосту и дальше, к своей подворотне. Уже взбегая на третий этаж, притормозил.

«Что? Что я там увидел? Или показалось?»

Прикрыл глаза, сосредотачиваясь, и попытался вытряхнуть из памяти увиденную вот только что картинку. Удалось, и она мне не понравилась.

«Да нет, не может быть. Показалось, наверное. Привиделось».

За давно не мытым окном сгустились косо летящие струи, обозначив переход дождя в ливень. Я зябко передернулся, протер мокрое лицо и поднялся еще на пролет вверх.

«Или не показалось? Было или не было?» – Перед мысленным взором то появлялась, то пропадала вроде бы знакомая фигурка.

Чертыхнулся, недовольно стукнув кулаком по перилам, и развернулся. Сильно мокрее я уже не стану, зато хоть успокоюсь, а то ведь места себе не найду. И я рванул на набережную перепроверяться.

Добежав до спуска к воде, невольно ахнул. Ниже, на самом краю последней гранитной ступени действительно стояла, обхватив себя руками, Мелкая и безучастно смотрела под ноги на проплывающие мимо льдины. Волосы ее превратились в мокрые сосульки, а с драпового пальтишка текло, но ее это, похоже, не заботило. Я поежился от забегающих за шиворот струек и двинулся на девушку.

Она настолько ушла в себя, что заметила меня, лишь когда я крепко схватил ее за плечо. Испуганно дернулась, поворачиваясь. С белого как мел лица сквозь меня каким-то уже нездешним взглядом посмотрели шальные черные глаза. Ее посиневшие губы и подбородок сотрясала мелкая дрожь.

В груди у меня захолонуло, как бывает, когда ждешь дурной вести: уже знаешь, что она будет, но еще тоскливо не понимаешь – какая.

– Тома. – Я старался говорить негромко, мягко и неторопливо. – Том... В чем дело?

Она отвернула голову к реке и всхлинула, а потом попыталась выдернуть руку.

– Ну-ну-ну... – успокаивающе забормотал я, – тихо, Тома, тихо... Я здесь... – и начал оттеснять Мелкую от края, плавно вклиниваясь между ней и Фонтанкой.

Она сделала инстинктивный шаг назад. Теперь я смог встать перед ней и взяться второй рукой за талию. Ей наконец удалось узнать меня. Из неплотно сжатых губ донесся какой-то то ли писк, то ли стон, и ее повело вбок.

– Ох! – Я подхватил девушку и поволок от края.

Мелкую начало колотить. Я плотно обнял ее и стал покачивать из стороны в сторону, пытаюсь успокоить. Она всхлипывала и дрожала, а я держал, нашептывал ей в ухо какую-то дребедень и мысленно молил: «Прошу... Ох! Очень, очень сильно прошу – только не несчастная любовь!»

Постепенно движения Мелкой стали осознанными: вот повернула голову, озираясь, потом принялась протирать ладонью глаза, полезла в карман за платком.

– Пошли. – Я осторожно потянул ее по ступеням вверх.

Она чуть упиралась.

– Куда? – спросила глухо.

– Ко мне. Я тут рядом. Пошли, согреемся.

– Зачем? – Она опять начала вырываться.

В глазах ее так и стояла безнадежная тоска. Я колебался лишь миг, а потом кинул ей спасательный круг:

– Ты мне нужна. Пошли уж, Мелкая, пошли...

И она пошла, прижимаясь, как бездомный щенок, пытаясь время от времени заглянуть в глаза. Мне было от этого тошно и мутно.

Дома я первым делом засунул ее под горячий душ и велел сидеть там, пока не выпущу. А сам заметался по квартире: выжимал как мог пальто и одежду, развешивал на батареях, грел рыбный суп, мастерил бутерброды...

Потом она сидела на кухне и, не поднимая глаз, послушно потребляла пищу, а я давился комом, что встал поперек горла. Доела, аккуратно вернула ложку на место и замерла, уцепившись побелевшими пальцами за столешницу.

– Добавки?

Мелкая, все так же глядя в стол, молча помотала головой.

Я вздохнул, готовясь к нелегкому разговору:

– Ну, пошли тогда в комнату.

Усадил ее в кресло, накрыл пледом. Сам сел на тахту напротив и включил торшер. Доверительно наклонился вперед, сложил ладони «пирамидкой» и негромко приказал:

– Рассказывай.

Она дернулась было что-то говорить, но изо рта вырвался только длинный всхлип.

Я осторожно взял ее пальцы, осторожно их помял:

– Мне можешь рассказать все. Обещаю, что мое отношение к тебе от этого не изменится.

Она кивнула, еще раз всхлинула, потерла припухшие веки и начала рассказывать. Я слушал тихий монотонный голос, смотрел, как лихорадочно дергаются жилки на худой девичьей шее, и заводился, зверея. Челюсти свело от острого желания вцепиться врагу в кадык. Мир качнулся и поплыл, выворачиваясь наизнанку кровавой пеленой.

Мотанул головой, приходя в себя. Главное сейчас – не напугать ребенка. Я попытался натянуть на лицо улыбку и не преуспел. Губы судорожно подергивались, лицо перекашивало гримасами. Хорошо, что Мелкая занавесила глаза челкой и смотрела в пол.

– Вот... Маму вчера похоронили... Я и решила... В детский дом не хочу... – Узкие плечи опять начали подрагивать. – Так – тоже...

Я решительно пересел к ней в кресло и приобнял. Она тут же доверчиво уткнулась мне куда-то в грудь, и футболка стала намокать. Я чесал ей за ушком, бормотал что-то успокаивающее в затылок и прокручивал в уме немногочисленные варианты.

«Ах как жаль! – от досады поскрипел я зубами. – Убивать этого урода нельзя. Как ему повезло! А тогда... Тогда только таким образом».

– Так, Мелкая, – с трудом я расцепил ее руки и встал. – Адрес говори.

– Зачем? – Она безуспешно пыталась стереть ладонями со щек мокрые дорожки.

Я достал из шкафа еще один носовой платок:

– На. Успокаивайся. Обещаю, все будет хорошо. Я поговорю с твоим отчимом.

Она с силой вцепилась в мою руку:

– Нет! Не надо... Он не будет тебя слушать!

Я наконец смог улыбнуться – вышло довольно пакостно:

– Будет. Я могу быть убедительным. Когда надо – очень убедительным. Верь мне. Просто верь.

Она вскинула на меня темные омуты серьезных глаз и сказала тихо, но твердо:

– Я тебе верю. Давно.

– Ну... Вот и славно... – Я невольно вильнул взглядом вбок. – Сиди спокойно, отогревайся. Родители сегодня поздно придут – в театре. Есть еще захочешь – в холодильнике лоток со вторым. Давай, адрес говори.

Потом покачался с пяток на носки, обдумывая детали.

– Он ведь тебя удочерял, да? Свидетельство о рождении где лежит? Памятные фотографии есть? Ключи давай.

Выслушал ответы, посмотрел в наполненные надеждой глаза и пошел на кухню. Повертел в руке стальную вилку и засунул в задний карман штанов. Все еще подрагивающей рукой налил воды и медленно, стараясь не лязгать зубами по стеклу, выпил.

Нет, все верно. Я не могу иначе.

До ее дома я добежал минут за пять. Взлетел, толкаемый лютой ненавистью, на четвертый этаж. Скрежетнул, проворачиваясь, ключ, и я толкнул противно скрипящую дверь. Пахнуло жареной курицей.

– Пришла? – донеслось откуда-то справа. – Где шляется столько, бестолочь?!

Я длинно втянул через нос воздух и двинулся на звук. Навстречу мне из кухни вывалился рыхловатый мужичонка в растянутых трениках и застиранной до серого цвета майке.

– Ты кто? – оторопело спросил он, что-то быстро пережевывая.

Мой взгляд скользнул по небритой роже и зацепился за лоснящийся подбородок. Этот размазанный жир с прилипшими кое-где к щетине лоскутками куриного мяса подействовал на меня как красная тряпка на быка. И вот это лезло к Мелкой?!

В темя фонтаном, как из сорвавшегося брандспойта, хлынуло, затапливая разум, бешенство. Мир сузился до ненавистной хари напротив.

Даже не задумываясь, я сделал полушаг левой, чуть повернул тело и ребром стопы резко ударил по пузырю на трениках – туда, где должен быть нижний край надколенника. Раздался радующий ухо негромкий хруст, и рот отчима распахнулся, вбирая воздух. Не останавливаясь, я завершил движение вперед левым боковым по печени, с удовлетворением ощущая, как глубоко пробилось податливое на вдохе пуздо.

«Эх, хорошо! – подумал, провожая взглядом безмолвно заваливающееся тело. – Хорошо, что масса у меня еще небольшая, а то уже можно было бы начинать волноваться...»

Я упал ему на грудь, придавив коленями плечи. Наклонился, вглядываясь в помутневшие от боли глаза, ожидая, когда в них появится мысль.

Вот в столах стало проявляться что-то членораздельное. Я завел правую руку назад и выдернул из кармана вилку, а затем, слегка царапнув зубчиками склеру, придавил нижнее веко.

– Ты, падла, какой глаз первым отдаешь, правый или левый?! – вырвалось из перехваченного ненавистью горла.

Он заизвивался, безуспешно пытаясь отодвинуть голову подальше. Я чуть отвел вилку, дав ему полюбоваться на острые зубья, а затем медленно подвел к левому глазу.

– А-а-а... – плаксиво просипело из-под меня. – Ты чего, паря?!

– Я чего?! – Grimасы перекашивали мой рот то в одну, то в другую сторону.

Вилка припадочно задергалась в руке. Невероятно сильно хотелось изо всей силы вогнать ее в глаз, с размаху, на всю глубину, чтобы воткнулась изнутри в затылочную кость... Я крутанул вилку, перехватывая в кулак.

Видимо, желание это отчетливо нарисовалось на моем лице: он протяжно заскулил, засучил здоровой ногой, затем позади многозначительно хлопнуло.

Я недовольно повернул голову, приняхался. Вот... засранец.

Ладно, надо доводить партию до конца. Я зарычал:

– За Томку! – Он дернулся подо мной. – Ты, мразь! Да по тебе сто семнадцатая рыдает горько! От пяти до пятнашки! И ты, зуб даю, пойдешь по верхнему пределу! Ых... – не сдержавшись, я коротко размахнулся, проткнул вилкой щеку и потянул вверх.

– А-а-а!!! – раздался горловой вскрик.

– Молчи, ублюдок! – Окровавленная вилка опять замаячила над выпученным глазом.

Я пару раз глубоко вдохнул, пытаюсь хоть чуть-чуть успокоиться. Главное – не убить и не покалечить всерьез. Нельзя, нужен пока формальный опекун.

– Да и пятнашка не самое страшное... – зашипел я ему в ухо рассерженной гадюкой, – таких, как ты, на зоне не любят. Девочкой будешь для всего отряда, все пятнадцать лет. Это тебе повезет, если сразу порежут...

Я отклонился и попытался посмотреть ему в глаза. Он их тут же закатил. Я ткнул вилкой в подбородок и потянул, задирая ему голову, а затем захрипел, бешено брызгая слюной:

– В глаза, смотри, пададь, в глаза! Убью!!!

«Похоже, клиент созрел для конструктивного разговора», – оценил я его состояние.

– Назови! Хоть одну причину! Почему! Я! Не должен! Намотать! Твои кишки! На люстру?!

– Не было ничего! – заскулило из-под меня.

Я опустил большие пальцы на глазные яблоки и надавил. Так, теперь чуть посильнее... Отпустить.

Подвывая, он торопливо рассказывал то, о чем я уже и так знал или догадывался.

Да, или в койку, или детский дом. Нет, не бил, пальцем не тронул. Да честно! Ну почти, почти... Так для ее же пользы! Кормил, одевал. Да ты пойми, парень, она же взрослая уже девица... Нет! Нет, только не глаза! А-а-а...

Я с трудом оторвался от извивающегося подо мной тела. Сделал пару глубоких вдохов. Обтер окровавленную вилку о его майку.

– Значит, так, – прокашлялся, восстанавливая севший голос, и начал подводить итоги: – Убивать я тебя сейчас не буду. Пока, с-сука, не буду! – с размаху, выбив глухой стон, врезал костяшками кулака по груди. – Побудешь отчимом до совершеннолетия. Запомни крепко: побудешь формально! – Еще один размашистый удар для закрепления сказанного. – Тому забирать. Вздумаешь жаловаться – не забудь, сто семнадцатая, от пяти до пятнадцати. И помни... Всегда, гнида, помни самое важное – ты жив, пока я о тебе не помню. И не дай бог... – Я многозначительно помахал вилкой перед его глазами, а потом не сдержался и опять надколол под скулой, – не дай бог ты как-то проявишься у меня или у Тома на горизонте... Да хоть даже случайно на улице тебя увидим... Ты все понял?! Или тебе для большей понятливости вилку в задницу вогнать?!

– Ы-ы-ы... – Он затряс головой, ошалело лупая глазами.

– Согласный, значитца?

Он торопливо закивал.

Я поднялся. Ну и вонища...

– Лежать, – лениво пнул для профилактики по ребрам и пошел в комнату собирать вещи Мелкой.

Портфель и сменка. Учебники и тетрадки. Фотоальбом...

Открыл и просмотрел последние страницы. Томка с мамой. Красивая женщина была, тонкого такого восточного типажа. Что ж она за такую гнусь пошла?! Ага, вот и свидетельство о рождении. Скрамная стопка одежды.

Все?

Все!

Проходя, не удержался и пнул поскуливающее тело еще раз. Потом осведомился:

– Вопросы? Замечания? Предложения? Нет? Ну и славно. – Перехватил чемодан в другую руку и, наклонившись, прошипел: – Следующая наша встреча будет для тебя последней! Мразь! Прямо сейчас кишки тебе размотал бы, да, к сожалению, пока живой нужен!

Хлопнула за моей спиной дверь парадной, и я омыл лицо в свежем воздухе. Пошел отходняк, мелко задрожали руки. Я добрел до скверика и буквально рухнул на скамейку.

«Мокрая? Да пофиг... Ух! Это я по краю прошел... Как не вогнал вилку в глаз? Как удержался? Чудо, натуральное ведь чудо... – Я перевел дыхание, откинулся на спинку. – Ладно, надеюсь, я этого мерзавца качественно запугал. Теперь пора подумать о будущем».

Я запрокинул голову и, наблюдая за близким небом, медленно приходил в себя.

Будущее... В мечтах оно было легким и красивым, словно перышки облаков, по которым прошелся своей кистью умиротворяющий рассвет. Опыт подсказывал, что так бывает только в сказках. Душа не хотела с этим мириться.

«В конце концов, – подбросил я себе аргумент, – уж здесь-то, между нами, все зависит только от нас самих».

С тем я и пошел в сторону дома.

На углу остановился, осененный внезапной мыслью. Вернулся к телефонной будке, втиснулся в нее с чемоданом, нарыл в кармане две копейки и набрал знакомый номер:

– Привет, Гагарин... Это хорошо, что ты никуда из дома не ушел... Да, погода мерзкая, согласен. Слушай, еще один срочный заказ появился. Маклер есть знакомый?.. Хорошо, смотри, что надо: двушка на съем, приличная, с обстановкой, в квадрате между Московским, Лермонтовским, Обводным и Фонтанкой. Представил? Если не найдешь там, ищи вдоль по ветке «Техноложка» – «Пушкинская» – «Владимирская». Квартира нужна срочно. Ну вот совсем-совсем срочно, буквально завтра! Снимаешь на себя, говори, что студент, жить будешь с младшей сестрой... Нет, ты там жить не будешь... Сестру я тебе потом представлю... Слушай, мне сейчас не до смеха. Тебе с меня полтинник за съем, четвертак сверху каждый месяц за встречу с хозяевами квартиры. Деньги там отдать или какие вопросы порешать. Берешься? Ага, ну вот и славно. Только квартиру сам внимательно посмотри, как для себя, чистую, без клопов и тараканов... Хорошо, я тебе вечером перезвоню. Вот прямо сейчас займись, отложи все... Выручай, Ваня. Да! Слушай, доложи мне еще одну «Рижскую сирень», хорошо? Хотя стоп!

Я на секунду задумался. Действительно, это может создать неловкую ситуацию: два одинаковых запаха у девушек в моем окружении... Ни сил, ни времени подбирать Мелкой парфюм на Восьмое марта у меня не было, поэтому я продолжил:

– Возьми сам какой-нибудь маленький флакончик приличных духов для девушки, хорошо?.. Ага, спасибо. Давай, пока.

Я опустил трубку на рычаг и вдруг похолодел, вспомнив о своих подозрениях.

«Черт! Начисто все из головы вымело с этим подонком... А вдруг тот «губастый» все же из ЦРУ?! – И я постоял, тупо глядя на наборный диск, потом вздохнул: – Поздно, уже позвонил... Тогда Мелкую Гагарину ни в коем случае нельзя показывать, обойдется. Просто на всякий случай... Хотя, конечно, это я перестраховываюсь – ну никак ЦРУ не могло бы выйти на меня через Гагарина. Бдительность у разведчика должна быть, но паранойя для него губительна. Не паникуй зазря, Дюха».

Эту мысль я любовно баюкал, возвращаясь домой.

Когда шагнул в квартиру, Мелкая переминалась в прихожей.

«Не отходила от двери, что ли?» – мелькнуло в голове.

Она открыла рот, порываясь что-то спросить, потом увидела в моей руке знакомый чемодан и промолчала.

– Все в порядке, – хрипловато сказал я, опуская ношу на пол. Прокашлялся и добавил, стараясь сразу успокоить: – Все в полном порядке. Мы с ним договорились.

– У тебя кровь... – Она испуганно схватила меня за рукав.

– Где? – оглядел я себя с недоумением.

– На лице... Где у вас вата? Я сбегая, принесу. – В голосе ее слышалось нешуточное волнение.

– Не надо, – отмахнулся я, – сейчас умоюсь и не будет крови. Это... Хм... Это не моя.

Стереть пару багровых брызг, окропивших мою левую скулу, было несложно, но я продолжал всей кожей ощущать пакостную атмосферу той квартиры, с ее темными, пропитанными болью углами и застоялым запахом многократно пережаренного жира. Поэтому долго плескался в раковине, старательно промывая в ледяной воде лицо и глаза, полоща рот. Гадливость уменьшилась, но не ушла совсем, а лишь притаилась где-то за углом. Опять захотелось махнуть внутрь чего-нибудь крепкого, грамм так пятьдесят. Я даже мысленно представил себе папин бар и стоящую в нем початую бутылку с пятью звездочками на коричневато-желтой этикетке. Потом, словно наказывая себя за крамольные мысли, долго, до красноты, тер лицо мохнатым полотенцем, окончательно приходя в себя.

«Согласится? Нет?» – Я взволнованно провел пятерней по шевелюре и решительно потянул на себя дверь.

Мелкая маялась под дверью, и я чудом не влетел в нее, торопливо выскакивая из ванной. В моей байковой клетчатой рубашке не по размеру, с распущенными и до сих пор не просохшими до конца волосами, она ощущалась в полутьме квартиры старше, чем я привык ее воспринимать, и это сбивало с толку.

– Так, – ляпнул я первое пришедшее в голову, – ты вообще как?

Ответом было лишь короткое движение плеч, но маленькие ноздри выдали ее, начав обильно трепетать. Я мысленно обругал себя за нечуткость: «Ну вот зачем, дурак, напомнил?!» – и торопливо сменил тему:

– Отогрелась? Пошли, расскажу, как мы дальше жить будем.

Это помогло: хотя глаза ее уже успели влажно блеснуть, девушка сразу устремила за мной.

– Значит, это... – Я нарезал кружок по комнате, собираясь с мыслями, и посмотрел на Мелкую, примостившуюся на краешке тахты.

Она сидела, напряженно вытянувшись. На скулах проступили темные неровные пятна, в глазах появился лихорадочный блеск. Пальцы вцепились в матрац.

– Вот, – решился я наконец, – об отчине забудь. Его в твоей жизни больше не будет. Нет, нет, жив он, – успокоил я взметнувшуюся в ее глазах опаску, – и даже местами здоров... В общем... – Я запинался и все никак не мог подобрать подходящих слов. – В общем, я тебя у него забрал, вот. Он... мм... согласился с этим. Считай, что теперь я за него.

– Так... Так разве бывает? – тихо-тихо спросила она.

Напряжение начало уходить из ее приподнятых плеч.

Я опустил у ее ног. Теперь наши глаза были рядом – я сейчас не мог и не хотел ни врать ей, ни увливать.

– Иногда. Как в нашем случае.

– И... И где я буду жить? Твои родители разве разрешат? – В ее голосе послышалось робкое ожидание чуда.

– Нет, – покачал я головой, – к сожалению, нет. Они, у меня, конечно, молодцы, но не настолько, чтобы поселить тебя в одну со мной комнату.

Мелкая отчаянно покраснела.

– А... как тогда? – Бровки ее недоуменно вскинулись.

– У тебя есть другие родственники? – уточнил я на всякий случай.

В глаза напротив вернулся испуг. Потом Мелкая, словно через силу, кивнула:

– Бабушка в Ташкенте. Но мы не общались... После того, как мама...

– Не суть, – остановил я ее, – адрес знаешь?

Она на миг прикрыла веки, потом сказала ничего не выражающим ровным голосом:

– Адрес я помню, – и занавесилась челкой.

Я осторожно взял ее за покорную кисть.

– То-о-ом... – Имя царапнуло язык, и я на миг запнулся, а потом продолжил твердо, словно вколачивая каждое слово: – Я. Тебя. Забрал. А вот на время или нет – решать тебе.

Она торопливо вскинула взгляд. В легком сумраке комнаты глаза ее казались невероятно огромными и почти черными. В них что-то мерцало – такое, в чем можно было бы разобраться прямо здесь и сейчас, но вот этого-то мне и не хотелось, поэтому я бодро продолжил:

– Бабушка – это все равно твоя семья. Захочешь – поедешь к ней, не захочешь – не поедешь. Да и о лете надо думать...

– Тогда я ничего не понимаю, – призналась Мелкая, растерянно мигнув.

Это короткое движение век опять ее преобразило: теперь напротив меня сидел обескураженный ребенок.

Я встал, подошел к окну.

– Это потому что мимо тебя прошло одно важное обстоятельство, – начал объяснять расклад, – я это от всех скрываю, только родители в курсе. Кхм... Кузя подозревает, правда... Ты же знаешь, что я шью. Чего не знаешь – кое-что из сшитого потом продаю через комиссионки. Получается очень даже хорошо. Половину денег сдаю в семью, но и мне остается немало. Так что мы просто снимем тебе жилье недалеко от школы. Это будет наша квартира. – Я замолчал, давая ей время оценить решение.

– А... Но... А как же... – забормотала она потрясенно.

– Остальное тоже купим, – отмахнулся я, – еду, одежду. Нам повезло, что вот как раз это – не проблема.

– Я... – Вспыхнув надеждой, она вскочила с дивана и вся подалась мне навстречу. – Мне совсем немного надо! Я научусь и буду помогать тебе шить!

– Ох... – длинно выдохнул я и горько улыбнулся. – Горе ты мое тощее...

Вслушался в себя, взвешивая все в последний раз, – что бы ни случилось, обратной дороги у меня теперь не будет. Подошел и поднял ее, подхватив под коленки – она только тихо ойкнула, – а потом опустился в кресло.

– Давай определимся в самом главном. – И проговорил в ушко, выделяя каждое слово: – Я. Тебя. Усестряю.

Она застыла, не дыша.

Я тихо уточнил:

– Если ты, конечно, не против...

Мелкая извернулась и заглянула мне в глаза. С невероятным облегчением я увидел ответ.

– Да, – кивнул, – привет, сестренка.

Она беззвучно шевельнула губами, потом негромко всхлипнула и обхватила мою шею. Я сидел, прижавшись щекой к ее горячему лбу, поглаживал ей спинку, и моя многострадальная футболка опять мокла, но на лице моем гуляла широченная улыбка – из Мелкой лились слезы очищения. Потом губы мои чуть искривились: «Так вот он какой, подарок на годовщину». Я скосил глаза на тяжелую волну черных волос и тихонько хмыкнул.

– Что? – встревоженно вздрогнув, подняла она зареванные глаза.

– Да так, мысли всякие бродят, не волнуйся, – успокаивающе улыбнулся я и бережно прикоснулся губами к ее лбу. – Так... Теперь давай по порядку. Пока у нас поживешь. С родителями вечером решу, – я замолчал, прокручивая версии, – скажем, что отец у тебя в запой ушел, буянит. На несколько дней этого хватит, а там квартира съемная появится. К тебе подружки домой ходят, звонят?

– Нет. Отчима бояться... А телефона у нас нет.

– Хорошо, – протянул я по слогам. Запустил пятерню в ее волосы, глубоко, до самого затылка, и слегка потянул, пропуская пряди между пальцами. Повторил задумчиво: – Хорошо.

В приглушенно дневном свете ее волосы отливали неярким серебром. Перебирать их было приятно. Они только прикидывались жесткими, на ощупь же были упруги и легко, словно лапша, скользили между пальцами.

Мелкая замерла, потом прерывисто выдохнула:

– Мне так мама иногда перед сном...

Я притиснул ее к себе сильнее и ткнулся губами куда-то в темя. Так мы на какое-то время и застыли. Мне было сразу и горько, и радостно, и легко – словно я только что взял какой-то очень важный рубеж.

Потом я осторожно потянул ее за подбородок и посмотрел в глаза:

– Тебе будет непросто.

Она с готовностью кивнула:

– Я знаю. Я готова.

– Это хорошо, – усмехнулся я. – Что у тебя по оценкам западает?

Она, видимо, ожидала чего-то другого, но ответила не задумываясь:

– Тройка была по рисованию, на черчении подтянула до четырех. Ну и четыре по физре.

– А остальное? – осторожно уточнил я.

– Отлично. – Теперь улыбнулась и она, пусть только самым краешком губ, но лиха беда начало...

– Вот это да. – Я озабоченно поскреб свободной пятерней в затылке. – Выходит, ты умнее меня.

Она молча вернула голову мне на плечо.

– Это хорошо, – продолжил я, слегка покачиваясь взад-вперед, – потому как на школьную программу надо наложить как минимум плавание и танцы. И рисование...

Она чуть дернулась.

– Да-да, – понял я, – рисование обязательно. Чтобы ничего у тебя не западало. Будем выращивать разносторонне развитого советского человека. Совершенного.

Мелкая едва слышно хмыкнула и потерлась виском о плечо:

– А чем я могу тебе помочь? Ты сказал, что я тебе нужна.

– О! Конечно, ты будешь мне помогать. Но! – Я отклонился и посмотрел в упор. – Ты мне просто нужна. Не для чего-то. Просто будь рядом.

Она помолчала, потом негромко сказала, вроде как даже и не мне:

– Буду. Обещаю.

Мы затихли, обнявшись. Ранняя весна задумчиво глядела на нас из окна дождливо-серыми глазами, словно что-то решая. Потом нахмурилась дождем, и по стеклу забарабанили крупные капли. Резко, как наказывая, хлестанул по старым тополям ветер. А в моей комнате смешалось два теплых дыхания и воцарился покойный уют.

Тот же день

Ленинград – Москва – Горки-9

Звонок из секретариата Председателя был ожидаем: Жора понимал, что его вот-вот выдернут на доклад в Москву. Вчерашняя вербовка русиста была крупным оперативным успехом, однако подробности в любом случае были «нетелефонным разговором».

Понимал это и многоопытный Блеер, поэтому вчера, сразу после получения первого доклада, они устроили мозговой штурм, пытаясь вписать свежий массив данных в и без того противоречивую картину.

– В общем, или – или. – Было уже полвторого ночи, когда Владлен Николаевич подвел черту. – Или это подстава и американцы старательно водят нас за нос, фальсифицируя при-

знаки объекта, или вы, Георгий, ищите что-то настолько необычное, что мое любопытство аж зудит. Хотя... – Генерал мечтательно посмотрел вдаль. – Может быть и то, и другое одновременно. Ешкин кот, как интересно будет это распутывать!

Интересно было не только Блееру: на Московском проспекте перед «Волгой» Минцева раскатали «зеленую волну», и дорога от Большого дома до трапа греющего движки рейсового самолета заняла всего полчаса. Вторая «Волга» со знакомым порученцем Андропова приняла Жору прямо на взлетном поле «Шереметьева».

Андропов ждал не в Москве и даже не в Ясенева, а в небольшом домике в Горках. Он был явно болен: с покрасневшими, слезящимися глазами, подтекающим носом и слегка гнусавым голосом.

– Располагайтесь подальше, Георгий, – вяло махнул рукой после приветствия, – чтобы я вас не заразил. Наливайте чай, угощайтесь... Борис Семенович в Женеве, обсудим новости вдвоем.

Слушал долго, не прерывая, потом глубоко задумался. Сидел в старом поскрипывающем кресле нахохлившимся вороном, время от времени поводя головой из стороны в сторону, словно чему-то удивляясь. Когда заговорил, в надтреснутом голосе звучала усталость:

– Нет, Георгий, думаю, что это – не отвлекающая операция. Даже больше скажу – уверен в том. Наша резидентура в Кабуле смогла наконец выяснить подробности передачи информации о замыслах «Халька». – Он тяжело, словно через силу, повернул голову к Минцеву: – Стрелой в окно посольства в Москве доставили. Стрелой, Георгий.

– Во как... – пробормотал озадаченно Минцев. – Так вот оно откуда вылезло...

Он с досадой покусал уголок губы. Искоса наблюдавший за ним Андропов удовлетворенно качнул головой в такт каким-то своим мыслям.

Сладкие мечты, что воспаряли в их умах еще полгода назад, с размаху налетели на риф жестокой реальности: «Сенатор» играл сам за себя. И если первые смутные свидетельства тому еще можно было какое-то время ставить под сомнение, оставаясь во власти приятных иллюзий, то почти однозначно установленная связь между объектом поиска и разгромом просоветской группировки в Кабуле уже не оставляла им никакого маневра – факты безжалостно прижимали к стенке.

– В голове с трудом укладывается... – признался Минцев. – Дать нам столько информации... Причем какой информации! А потом сработать против нас... Не понимаю логики.

– Цели мы не понимаем, – покривился Андропов и повторил, пару раз наставительно пристукнув указательным пальцем по деревянному подлокотнику: – Цели. А она у него есть.

Он немного помолчал, потом дернул лицом и доверительно пожаловался:

– Мы теперь вынуждены допускать возможность и того, что противник получил объем информации, близкий с нами. Наши разведсети на Западе могут быть взяты под такой же контроль, как и их здесь. По срокам все сходится... – Он тяжело вздохнул. – Если считать приезд доверенных оперативников Карлуччи в Ленинград началом серьезной операции ЦРУ по поиску «Сенатора», то, с учетом времени, необходимого на перепроверку, они получили важную информацию весной – тогда же, когда и мы.

Жора прикрыл глаза, пытаясь представить себе возможный масштаб игры, и ощутил ужас, преуспев.

– Кошмар, – выдохнул севшим голосом. Потом резко замотал головой: – Нет, не верю. Все равно не верю.

– Почему? – быстро спросил Юрий Владимирович.

Минцев постучал кончиками пальцев друг о друга, формулируя то неявное ощущение, что оставляло надежду. Катнул желваки на щеках и заговорил:

– В то, что американцы что-то получили от «Сенатора», – верю. Против фактов не попрешь. Да, возможно, весной – было там наблюдением отмечено определенное шевеление

резидентуры. Но я не верю в то, что ЦРУ получило или получает равноценный с нами пласт информации.

– Почему? – жадно повторил Андропов. Рассохшееся кресло под ним нервно скрипнуло.

Минцев повел подбородком вбок, потом упрямо насупился:

– Исходя из характера и объема переданной нам информации. «Сенатор» подталкивает нас вперед по всем направлениям. Комплексно! Вот правильное слово – комплексно! – Жора оживился, поймав идею. – Любая узкая цель не требует такой комплексности. Здесь же речь идет скорее о помощи вообще, а не в чем-то конкретном.

– О! – Юрий Владимирович прищелкнул пальцами и, откинувшись на спинку кресла, посмотрел сквозь Минцева. – Это вы хорошо уловили.

Взгляд его уплыл к окну, и он о чем-то ненадолго задумался, озабоченно при этом помаргивая. Потом лицо Председателя перетянуло неожиданно простодушной улыбкой:

– А я, чтобы оставить себе надежду на лучшее, зашел с другой стороны. Все-таки личность, стоящая за «Сенатором», волей-неволей проступает в полученных текстах. И я глубоко убежден, что это действительно наш, местный, в основе своей – действительно советский человек. Со своими завихрениями, очевидно... – Андропов крутанул кистью какой-то замысловатый жест и поморщился. – Но наш.

– Идеалист? – бросил Жора пробный камень.

– Да! – с неожиданным жаром откликнулся Андропов. – Да, черт возьми! Какой-то теоретик гуманизма! – Это невинное определение вырвалось из него словно грязное ругательство. Потом он мечтательно процедил: – Поставить бы такого на поток, выбирать между плохими и очень плохими вариантами...

В комнате на какое-то время повисло тугое молчание. Потом Андропов проворчал, глядя куда-то вбок:

– Но и худшего варианта все равно исключать нельзя...

Задумчиво похлопал ладонью по подлокотнику. Потом пальцы его, словно отмечая какое-то решение, выбили из полировки решительную дробь. Лицо Андропова дрогнуло, застывая в знакомом по портретам выражении. Он посмотрел на Жору неожиданно остро и перешел на начальственный голос:

– Выяснение характера и объема поступающей в ЦРУ информации является сейчас задачей, в приоритете лишь чуть уступающей собственно поиску «Сенатора». Разведка свое задание получила. Контроль на границе, особенно на финском и норвежском участках, в приграничных районах Прибалтики значительно усилен. Вам же надо подтвердить данные, полученные вчера от этого русиста. И обязательно внедряться в ленинградскую резидентуру ЦРУ – и техническими средствами, и агентурой. Обязательно! Мы должны любой – буквально любой – ценой взять канал связи «Сенатора» с ЦРУ под контроль. Используйте для этого все ресурсы.

Андропов большим глотком влил в себя остывший чай и добавил тоном ниже:

– Разрешаю информировать Блеера о характере полученной от «Сенатора» информации. Смысла держать его в неведении больше нет... – Побарабанил пальцами и пояснил, еще больше понизив голос: – После того как к работе с материалами по Польше, Ближнему Востоку, Китаю и Африканскому Рогу по поручению Леонида Ильича подключился Международный отдел ЦК и профильные институты, удержать в тайне необычно комплексные – вот удачное, право, Георгий, вы слово подобрали – анализы и прогнозы долго не удастся. Да и сама постановка задач многое скажет понимающим людям. Поэтому самое позднее уже этим летом в Вашингтоне будут знать, что мы знаем... – Андропов нахмурился. – И мы не имеем никакого права допустить эксфильтрацию источника с территории СССР. Переход «Сенатора» под контроль противника абсолютно недопустим. Если вдруг до этого дойдет, вы должны пресекать развитие такого сценария любыми, Георгий, я особо подчеркиваю: любыми средствами!

– Понятно, – скупое ответил Жора.

Действительно понятно, чего уж там...

Андропов еще немного посверлил его испытующим взглядом и удовлетворенно качнул головой.

– Хорошо... – Лицо его опять поплыло обмякая. Он наполнил свой стакан и кивнул на большой термос: – Хотите попробовать? У меня тут китайский лимонник добавлен, очень хорошо мозги стимулирует.

Юрий Владимирович прервался и в очередной раз затеребил несчастный нос платком, а потом резко дернулся, отворачиваясь, и звонко чихнул вбок.

– Ужас... – пожаловался, страдальчески задрал брови.

– Бывает, – протянул Жора, притянув к себе термос. – Как наш врач говорит: насморк без лечения длится семь дней, с лечением – одну неделю. Просто перетерпеть...

Андропов с каким-то выражением безнадежности на лице махнул рукой и вернул разговор в рабочее русло:

– Георгий, что лично вы думаете о свойствах источника? Давайте сверим мысли.

– Хм... – пробормотал Жора, грея ладони о стакан. – Мы установили, что он подглядывает в будущее. Похоже, это действительно так, иначе многие вещи просто невозможно объяснить. Но, судя по всему, этим его способности не ограничиваются.

– Так-так, – заинтересованно подбодрил Андропов.

– Во-первых, уровень демонстрируемых им личных навыков быстро нарастает. – Жора демонстративно загнул палец. – Наиболее очевидно это в отношении оперативной подготовки, где произошел переход от наивных попыток писать анонимные письма в перчатках ко вполне профессиональной системе двусторонней конспиративной связи. И все это меньше чем за три квартала. Во-вторых, постоянно множится число самих навыков. Вот сейчас к списку, судя по всему, добавились владение китайским языком и стрельба из лука. И всеми этими навыками он владеет на высоком уровне.

– Да, – кивнул, подтверждая, Юрий Владимирович и опять затеребил нос платком, – да. Со стрельбой из лука – именно так. Дистанция выстрела была около тридцати метров. В форточку высотой меньше тридцати сантиметров, в ветреную погоду, под углом и с перепадом по высоте... Это, Георгий, мастерский выстрел. Минимум норматив камэсса.

– Полагаю, – продолжил Жора, – что число явленных навыков и их качество уже вышло за рамки гипотезы об удачно подобравшейся группе. Поэтому я не ожидаю прорыва от поисков среди лучников и китаистов. Получится как с ленинградскими криптологами... Это не значит, конечно, что мы не будем работать в этом направлении. Обязательно будем, и уже начали – в конце концов, он где-то стрелы и лук должен был взять... Но больших надежд на эти поиски я бы не возлагал.

– Так... – Андропов помолчал, рассеянно разглядывая свои пальцы. Потом вскинул на Жору сузившиеся глаза. – Как у вас сочетается этот мелькающий и у нас, и у американцев подросток и проявленная способность к аналитическому творчеству?

Жора нервно дернул щекой. Этот вопрос мучил его давно.

– Понятно, – сказал он, – что для аналитической работы столь высокого уровня нужен совершенно определенный жизненный опыт, которому неоткуда взяться у подростка. Соответственно остается всего два варианта: подросток как напарник – и подросток как личина. И я все больше склоняюсь к последнему варианту.

– Личина... – Андропов проговорил, как прожевал, точно пробуя слово на вкус. Потом снял очки и устало потер глаза. – Да, умеете вы подобрать слова. И что за той личиной прячется, как думаете?

Жора развел руками:

– Я даже не уверен, что это можно назвать человеком. Но, похоже, советский.

– Советский нечеловек? – неловко пошутил Андропов. Полные губы разъехались в полуулыбке, но глаза остались серьезны.

– Вопрос определений, – живо откликнулся Минцев. – Мы явно видим не все его возможности, раз он продолжает нас удивлять. Поэтому нельзя исключать и самых фантастических гипотез, вплоть до того, что биологическая его сущность может значительно отличаться от привычной нам. А вдруг он – полиморф, способный к радикальному изменению внешности? Тогда достаточно легко решается парадокс между внешностью и специфическим опытом: подросток – это лишь безобидный и не вызывающий подозрения образ, принимаемый на время проведения операции.

В глазах у Андропова заворчалось тяжелое недовольство, и Жора взмахнул кистью:

– Конечно, это лишь одна из гипотез... – Он чуть поколебался и добавил: – Так же как вы не можете исключать худших вариантов относительно идущей мимо нас информации «Сенатора», и мы в оперативно-розыскной работе должны учитывать возможность самых тяжелых раскладов. Всегда остается вероятность, что все не так плохо и подросток – лишь связной. Тогда все решится гораздо быстрее.

– Ладно, – согласился с этим Андропов и неожиданно миролюбиво улыбнулся. – Чем-нибудь меня порадуете еще, Георгий?

– Обязательно, Юрий Владимирович, – бодро ответил Минцев. – «Сенатор» время от времени ошибается, и вот это – самое важное. Его видели мельком мы. Судя по всему, мельком его видели и американцы – иначе с чего бы они фотографировали мальчиков-подростков именно в профиль? Раз он не смог предотвратить своих засветок на операциях, значит, он не всеведущ. Что ему стоило проверить, к примеру, наличие поста наблюдения у того почтового ящика? Я не верю в легкомыслие такого размера. У его способности есть какая-то «слепая зона». Вот через нее мы и будем его ловить.

– Искать, – поправил Андропов, – пока только искать. А вот когда найдем... Решать, что делать с найденным, будем уже не мы. И это, Георгий, очень, очень хорошо.

Тот же день, поздний вечер

Ленинград, Измайловский проспект

Несмотря на поздний вечер, родители ввалились в квартиру с шумом – видимо, заметили с улицы свет на кухне. Я выметнулся им навстречу и зашипел свирепым шепотом:

– Тихо вы! У меня там, – мотнул головой в сторону своей комнаты, – девушка спит!

– А что, смело... – произнес папа после короткой заминки.

От него слегка тянуло коньяком, но глаза были трезвыми, а теперь еще и озадаченными.

Мама беззвучно хлопнула ртом и начала торопливо сдергивать с себя сапожки.

– Пошли на кухню, – вполголоса предложил я.

– Пошли, – согласился папа, с интересом косясь в сторону моей комнаты.

Мама наконец совладала с обувью и, не снимая пальто, подскочила к закрытой двери. Я напрягся, но она лишь осторожно, от порога, заглянула внутрь и секунд через пять так же осторожно отступила.

– Другая... – прошептала папе растерянно.

В глазах у того внезапно блеснуло веселье.

Мы прошли на кухню: папа, за ним, ступая отчего-то на цыпочках, мама, я же замыкал строй.

– Ну, докладывай. – Папа развернулся и оживленно потер ладони.

– Да... – пожал я плечами, – это из нашей агитбригады, классом младше. Кстати, тоже Тома.

– Да что же такое-то! – Мама, не выдержав, всплеснула руками. – Заговорили тебя на них, что ли!

– Да ты не о том думаешь. – Я посмотрел на нее с укоризной. – У этой четыре дня назад мама от рака умерла, а отец по такому случаю опять запил...

– О... – мигом посерьезнев, протянул папа.

Мама прерывисто вздохнула и замерла с широко распахнутыми глазами.

– А во хмелю он буен, – продолжил я пояснять расклад. – Случайно ее на улице встретил – мокрая до нитки, совсем уже никакая. Не оставлять же на холоде... Вот, взял с собой.

– Правильно сделал, – рубанул ладонью воздух папа, – молодец.

– Она говорит, что запоев длиннее недели у него обычно не бывает. Так что ей перекаптоваться бы у нас несколько ночей, а?

Папа с готовностью кивнул:

– Да, конечно, пусть живет. Накормим, напоим, спать уложим... Кстати, как ложиться будем? – Он испытующе глянул на меня.

– Я ей свою кровать застелил, а себе кресло раскинул, – ответил я.

– Годится... – Папа еще чуть подумал и уточнил: – Деньги нужны?

– Своих хватит, – отмахнулся я.

– Ну и хорошо. – Он еще что-то прикинул про себя и повернулся к маме: – Пошли тогда спать, завтра ведь не встанем.

– Да погоди ты. – Она торопливо зарылась в холодильник. Высунулась оттуда с трагически прикушенной губой: – Им же завтра после школы обедать нечем!

– Ой, мам! Да в диетическую столовую зайдем, делов-то, – сказал я.

Она посмотрела на меня растерянно, потом в глазах ее блеснула хитринка:

– Я, раз такое дело, отпрошусь, пожалуй, на полдня у Митрофановны... Завтраком вас накормлю, обед приготовлю...

– Ох ты и любопытна... – негромко пробормотал я, укоризненно покачивая головой.

Она чуть зарозовелась.

– А ты как думаешь?! – всплеснула она руками. – Ты какую-то девочку ночевать к себе привел, а я на нее и не посмотрю даже?! Да меня Митрофановна сама с работы домой погонит!

– Все с вами понятно, – ухмыльнулся я, – да смотри, бога ради. Только осторожно – не забывай, в каком она сейчас состоянии.

– Конечно, конечно, – заворковала мама, соглашаясь, а потом тихо, как бы про себя, вернула: – Оберегает прямо как свою...

Я закатил глаза к небу.

– Крепись. – Папа, проходя, потрепал меня по плечу. – Это только начало.

– Страшно подумать о конце... – пробормотал я ему в спину.

– Э, – резко остановился он, разворачиваясь, – а вот с этим не торопись.

На это я смог только беззвучно разевать рот, словно окунь, только что снятый с крючка.

Папа понял по-своему:

– Да... Надо бы с тобой это проговорить наконец...

– О тычинках и пестиках? – спросил я голосом, полным безнадежности. – Надеюсь, не прямо сейчас?

– Что, уже не актуально? – Папа задумчиво почесал под бородой. – Ты, главное, не торопись выбирать.

Где-то за моей спиной замерла мама – я не слышал оттуда даже легкого дыхания.

– Пап... Но выбираем не мы, ты в курсе? Как это... – Я пощелкал пальцами. – Мужчина – это товар, который думает, что он – покупатель.

Сзади отчетливо хихикнули. Папа возмущенно вздернул бороду:

– Ты что, уже готов сдать?

– Папа, – напел я ласковым голосом, – я в девятом классе, ты не забыл?

– Порой начинаю забывать, – сокрушенно признался он. – Я в девятом классе девочек домой на ночь не водил.

– И ты, Брут...

– Ладно, ладно, – вскинул он руки, – будем верить в лучшее.

– Да-да, – согласилась из-за спины мама, – но все равно вы там сильно не шумите.

– Ей что, – качнул я головой в ее сторону, – тоже коньяка досталось?

– Выпросила маленько, – показал папа на пальцах, сколько это. Вышло грамм так сто.

– Как же я вас люблю, – искренне признался я. – Давно хотел вам это сказать. Повезло мне.

Редкий случай: у папы кончились слова. Он кривовато улыбнулся и неловко развел руками. Я оглянулся – мама отвернулась и торопливо терла уголок глаза.

– Ладно... – пробормотал я, смущенно глядя в пол. – Я уже мытый. Пошел спать. Спокойной...

– Спокойной... – нестройным хором прозвучало мне в спину.

Я закрыл за собой дверь и постоял, привыкая к темноте. Постепенно она наполнилась прозрачностью. Мелкая спала на боку, подтянув к себе ноги. Одну ладонь она засунула под подушку, вторую – под щеку. Умильно улыбаясь, я протиснулся вдоль кресла-кровати.

Лег и некоторое время смотрел на шевеление теней на потолке – ветер опять теребил ветви.

«Какой же я счастливый, – поразился я внезапно. – Все есть: любимая девушка, любимая семья, любимая страна. Любимое дело. За что мне так повезло? Чем расплачиваться буду?»

Я поморгал в потолок, потом между моими бровями пролегла складка:

«Об одном прошу: пусть расплачиваться буду только я».

С тем и заснул.

Глава 4

Вторник 7 марта 1978 года, утро

Ленинград, Измайловский проспект

Я проснулся рывком, словно и не спал. Просто открыл глаза в темный еще потолок – и сразу осознал все: слева, чуть посапывая в подушку, спит Мелкая («Все же заболела?» – сразу озаботился я); вчерашний день моментально раскатал передо мной свое полотно, тревожа возможными последствиями. Скосил взгляд вниз – там мама легонько подергивала меня за большой палец ноги.

– Тсс, – выдохнула она, увидев, что я открыл глаза, и поманила за дверь.

Я торопливо натянул майку, схватил штаны и выскользнул следом.

– Я одежду твоей девочке погладила, – шепотом отчиталась она, и я звонко хлопнул себя по лбу – об этом я совсем не подумал.

– Сейчас папа домоется – и ты иди, – продолжила мама, – а потом твою Тому разбудим.

Она чуть прищурилась, выглядывая мою реакцию на идущее настойчивым рефреном «твою», но я думал в тот момент об ином, и затеянное зондирование с треском провалилось. Мама чуть слышно выдохнула, и я не смог определить, чего там было больше – облегчения или разочарования.

– Ага, – мотнул я головой, глядя на тщательно отглаженную девичью форму в прихожей, – спасибо.

Мылся я торопливо, заметно быстрее обычного, и вот этого мама в свои расчеты не заложила. Она, конечно, среагировала на мой выход из ванной, рванув из кухни наперерез, но к дверной ручке я поспел первым.

– Да я разбужу, ты не волнуйся, – сказал маме ласково и шагнул в свою комнату.

В спину мне разочарованно цыкнули. Довольно улыбаясь, я прикрыл дверь.

За окном начало сереть, и будущий день уже просачивался в комнату через оконное стекло. Я сделал пару шагов и наклонился, разглядывая ту, что стала вчера частью моей жизни.

Мелкая спала, словно застыв на лету, – широко раскинув руки и запрокинув голову. На правой щеке ее проступил отпечаток подушки. Посапывать она перестала, теперь дыхание было почти беззвучно. На лице девушки застыло не встречавшееся мне прежде выражение крайней безмятежности, и из-за этого на какой-то миг она показалась незнакомкой. Потом я втянул воздух, ощутил запах, и наваждение прошло.

Нарушать ее покой совершенно не хотелось, мне пришлось сделать над собой усилие.

– Эй, – я слегка потрепал Мелкую за плечо и зашептал, наклонившись к уху: – Просыпайся потихоньку.

Она распахнула веки и сжалась в комок. Мне словно полоснуло по сердцу ножом: я увидел в ее глазах даже не страх – ужас. Во мне запылал, испепеляя все сомнения, гнев.

«Нет, – скрипнул зубами, – не перестарался я вчера, наоборот. Ох, как же ему повезло...»

Я присел на краешек кровати и постарался улыбнуться:

– С добрым утром, сестренка.

Она прерывисто вздохнула, обегая комнату быстрым взглядом, и расслабилась. Накрыла своей ладонью мою, и ответная улыбка осветила ее лицо.

– С добрым утром... – И, поколебавшись миг, добавила с ноткой неуверенности в голосе: – Андрюша.

Я моргнул, принимая.

– С родителями все в порядке, – доложил, нехотя убрав руку с ее теплого плеча, – дождался вчера, объяснил. Все правильно поняли и приняли. Так что не волнуйся. Конечно,

интерес к тебе будет, особенно от мамы. Воспринимай его легко, как естественный. Не напрягайся, хорошо?

Уголки ее губ дрогнули и опять поползли вверх:

– Это же не самое страшное, да?

– Верно, – хмыкнул я, вставая, – тогда, коль тебя этим не запугать, иди мойся, и будем завтракать. Родители как раз кухню освободят – им на работу раньше выходить.

За дверью, изнывая от нетерпения, вилась мама, для виду перебирая что-то на полках платяного шкафа. Я остановился и с молчаливым осуждением покачал головой.

– Ой, да ладно, не съем же я ее, – едва слышным шепотом попыталась успокоить она меня в ответ. – Вот, лицевое подобрала.

Я почувствовал, как за моей спиной бесшумно отворилась дверь, и шагнул вбок. Мама торопливо улыбнулась.

– Доброе утро. – Мелкая замерла на пороге, зябко кутаясь в мой длинный махровый халат. В глазах ее застыла легкая опаска, словно она ступила на тонкий неизведанный ледок, но жила там и надежда, чуть наивная, но оттого и трогательная.

«Вера в свет за поворотом, – мелькнуло у меня понимание, мелькнуло и сменилось удивлением: – Как она смогла ее пронести?»

– Доброе, – эхом откликнулась мама, прижимая к груди цветастое полотенце. Пару секунд они рассматривали друг друга. Потом на мамином лице мелькнуло не то чтобы одобрение, а, скорее, некоторое облегчение, и она затараторила: – Вот, возьми себе для лица. А щетку зубную я сегодня заскочу куплю. Ты что больше хочешь на завтрак: творог со сметаной или яичницу с макаронами и колбасой?

Взгляд Мелкой тем временем соскользнул с мамы на наглаженную школьную форму за ее спиной. Лицо девушки закаменело.

– Мама утром погладила, – негромко пояснил я, поняв.

Мелкая вдруг опустила голову и чуть слышно хлопнула носом. Мама замолкла на полуслове и почему-то посмотрела на меня виновато.

– Спасибо, – пробормотала Мелкая, подняв на маму влажно поблескивающие глаза, – извините... Просто я отвыкла, что обо мне кто-то заботится...

Мама беззвучно дернула губами, потом шагнула вперед и приобняла Мелкую.

– Ничего-ничего, – мягко зажурчал ее голос, – все будет хорошо. Сейчас примешь душ, согреешься, чайку сладкого... Но вообще, – она задумчиво отстранилась, – лучше всего греет понимание того, что ты кому-то нужен...

Мы на секунду зацепились с Мелкой взглядами.

– Спасибо, – сказала та окрепшим голосом.

– Ну... иди в ванную, – посторонилась мама, пропуская.

Постояла в тихой задумчивости, глядя на притворившуюся дверь, потом обернулась ко мне:

– Ладно... Пообедаете тогда в столовой. И смотри: не вздумай ее обидеть!

– Какой я грозный, подумать только, – усмехнулся я с облегчением. – То Зиночка просит Кузю не обижать, то ты – Мелкую.

– Мелкую? – В глазах у мамы вспыхнул новый интерес. – Вот как...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.